

И. Л. Тихонов

АРХЕОЛОГИЯ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ АКАДЕМИИ НАУК В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Современный Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук ведет свое начало от Петровской Кунсткамеры, являясь, таким образом, старейшим музеем России. Кунсткамера же еще в первой четверти XVIII в. стала и первым хранилищем археологических находок. Именно с академией и ее музеем были связаны первые шаги отечественной археологии.

К XVII столетию в различных европейских странах складывается устойчивый тип универсального музея — собрание всевозможных «редкостей» под именем «кунсткамеры». Собрание условно делилось на «натуралии» — предметы природного происхождения и «артефакты» — творения человеческих рук (Моисеева, 2000, с. 29–30). В последнем разделе появляются и археологические находки, происходящие из случайных или грабительских раскопок. В 1714 г. Кунсткамера была создана и в Петербурге. В 1715 г. уральский промышленник А.Н. Демидов преподнес по случаю рождения наследника престола цесаревича Петра Петровича супруге Петра Екатерине коллекцию «бугровых сибирских вещей». Эти находки заинтересовали царя, и он отдал распоряжение сибирскому генерал-губернатору о розыске подобных вещей для Кунсткамеры. В январе 1716 г. губернатор М.П. Гагарин, выполняя это распоряжение, прислал десять золотых вещей, а в декабре того же года 122 предмета, которые составили основу знаменитой Сибирской коллекции Петра I (Руденко, 1962, с. 11). Помимо «сибирских бугровых вещей» в Кунсткамеру поступили золотые и серебряные украшения и сосуды, найденные в окрестностях Астрахани, и древности, обнаруженные в 1716–1718 гг. «на восточном краю Каспийского моря в стране Самарканд» (Станюкович, 1964, с. 8). В 1718 г. был издан специальный указ о пополнении Кунсткамеры, где упоминалось и об археологических находках: «Ежели кто найдет в земле или воде какие старые вещи<...> также какие старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, таже бы приносили, за что давана будет довольная дача, смотря по вещи, понеже не видав, положить нельзя цены» (Охрана памятников, 1978, с. 21).

После создания Петербургской Академии наук в 1724 г. Кунсткамера была передана в ее ведение и стала основным академическим собранием, вобравшим в себя вещи и коллекции, собранные экспедициями Академии наук. Туда поступили археологические предметы, полученные в ходе рас-

копок Д.Г. Мессершмидта и И.Ф. Страленберга в Южной Сибири. Туда же передавались находки и приобретения Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина в ходе второй Сибирской экспедиции АН. В одном из перечней приобретенных Миллером и переданных в Кунсткамеру вещей названы следующие предметы с обозначением их стоимости: «5 медных идолов, представляющих оленей, из которых четыре стоят на пьедесталах, колоколам подобных, из могил в степи Енисея <...> 4 р. Всякие медные могильные древности из оной же степи, весом 18 фунтов по 40 коп. за фунт <...> 7 р. 20 к. Пара железных стремени и муштук от узды, яко особливая диковинка, которая в тех же ямах при Енисее реке найдены <...> 50 к.» (Радлов, 1894, с. 125–126). Особый интерес из них представляли бронзовые навершия с изображением оленя и лося, поскольку на подобных же навершиях из Минусинской котловины обычно изображались горные козлы (Завитухина, 1978, с. 38). Некоторые предметы были утрачены после пожара Кунсткамеры в 1747 г. и до нас дошли только их изображения, выполненные с большой точностью и реалистичностью художником экспедиции И.В. Люрсениусом. Благодаря такому высокому качеству рисунков многие из изображенных предметов могут быть атрибутированы с современных позиций и соотнесены с существующей культурно-хронологической периодизацией первобытных и средневековых памятников Южной Сибири (Борисенко, Худяков, 2002, с. 14). В 1764 г. по распоряжению императрицы Екатерины II в Кунсткамеру были переданы золотые и серебряные находки, сделанные генералом-поручиком А.П. Мельгуновым в кургане «Литая могила». Это был первый скифский комплекс, ставший известным отечественной науке. Описание и первую атрибуцию этих вещей сделал академик Г.Ф. Миллер (Тихонов, 2007, с. 93–94).

В XVIII в. были предприняты и первые попытки «введения в научный оборот» древностей из собрания Кунсткамеры. Так, в 1742 г. был выпущен в свет второй том каталога музея, большую часть которого занимало описание античного и средневекового нумизматического собрания Кунсткамеры (Musei, 1742). В XVIII в. были предприняты и первые попытки «введения в научный оборот» древностей из собрания Кунсткамеры. Так, в 1742 г. был выпущен в свет второй том каталога музея, большую часть которого занимало описание античного и средневекового нумизматического собрания Кунсткамеры (Musei, 1742). Попало описание некоторых археологических предметов и в опубликованный в 1779 г. на русском языке путеводитель, составленный И. Бакмейстером (Станюкович, 1964, с. 3; Бакмейстер, 1779, с. 130).

В первой четверти XIX в. коллекции Кунсткамеры были разделены между несколькими академическими музеями, которые таким образом и были созданы. По академическому регламенту 1836 г. самостоятельным учреждением стал Этнографический музей. Азиатский музей, созданный в 1818 г., ориентировался в основном на собирание рукописей и монет, но туда же были переданы древности из сибирских могил и археологические коллекции, найденные в Булгарах (Станюкович, 1953, с. 214). В составе Азиатского музея к середине столетия существовал помимо минц-кабинета и кабинет

древностей, но там хранились только предметы материальной культуры, имевшие надписи, поскольку остальные вещи в 1857 г. были переданы в Этнографический музей (Тихонов, 1973, с. 15). Нумизматическое собрание Азиатского музея было систематизировано его первым директором академиком Х.Д. Френем, издавшим соответствующий каталог в 1826 г. После освобождения от негодных экземпляров и дублетов собрание составило 4295 экземпляров (179 золотых, 3484 серебряных, 732 медных) и продолжало активно пополняться до 1880-х годов (Бартольд, 1920, с. 108–110).

В 1825 г. под руководством академика Х.Ф. Грефе был создан Египетский музей. Его основу составила коллекция древностей, приобретенная в том же 1825 г. у миланского купца де-Кастильена и состоявшая из 1200 разнообразных предметов, в том числе нескольких мумий. Еще три мумии и тройной саркофаг поступили в 1827 г. в качестве дара купца А. Аверова, который купил их в Египте. «Египетский музей» академии просуществовал сравнительно недолго, некоторая часть его коллекций была передана в 1883 г. Этнографическому музею, а основная масса (более двух тысяч номеров) поступила в Императорский Эрмитаж. Из оставшихся предметов «Египетского музея», к которым присоединили археологические коллекции, имевшиеся при библиотеке («некоторое количество греческих ваз», «разные предметы из обожженной глины») и античной части нумизматического собрания академии был создан новый музей, получивший название «Музей классической археологии» (Станюкович, 1964, с. 45). Но он также просуществовал недолго, и в 1890-е годы его археологические коллекции почти целиком перешли в Эрмитаж. Между тем еще в 1838 г. П.И. Кеппен обращался в Конференцию Академии наук с призывом создать «особое собрание могильных вещей», которое могло бы объединить археологические находки, рассеянные по различным академическим собраниям. Намечал он и структуру подобного собрания по материалу (камень, керамика, дерево, стекло, металл) и категориям вещей (Тункина, 2002, с. 631–633). Два десятилетиями позже с подобным призывом выступил академик К.М. Бэр, который еще с 1840-х годов собирал археологические предметы, отражавшие материальную и духовную культуру предков современного человека, в возглавляемом им же Анатомическом кабинете, преобразованном в Музей соматической антропологии и доисторической археологии (Итс, 1991, с. 157). По его же инициативе было предпринято издание на русском языке книги Й.Я. Ворсо «Северные древности Королевского музея в Копенгагене» (СПб., 1861), перевод которой осуществил хранитель Этнографического музея Л.Ф. Радлов, специально командированный в Копенгаген и Стокгольм для ознакомления с устройством и работой археологических музеев. Ставя перед российской наукой задачи по поиску и изучению памятников каменного века, Бэр считал необходимым создание специального музея древностей (Лебедев, 1992, с. 93) Это предложение не получило должного отклика ни у правительства, ни у общественности, и тогда К.М. Бэр начал вместе с директором Этнографического музея А.А. Шифнером вынашивать идею объединения антропологических, этнографических и археологических коллек-

ций Академии наук. В специальной записке «О собирании доисторических древностей в России для Этнографического музея» они доказывали, что в условиях отсутствия специального археологического музея Этнографический музей академии, который «уже имеет довольно значительное собрание доисторических древностей, добытых частью в Скандинавии, частью же в разных местностях России» должен заниматься сбором каменных орудий и керамики (Бэр, Шифнер, 1862, с. 122).

Одним из результатов поездки Л.Ф. Радлова в Копенгаген стала договоренность об обмене материалами между музеями, и уже в 1862 г. в Петербург были присланы 39 вещей бронзового века, среди которых были топоры, мечи и кинжалы, ножи и серпы, бритвы, браслет, фибулы и гривны (Губанов, 2009, с. 86–102). В середине 1860-х годов среди экспонируемых коллекций музея уже значились «древности каменного и бронзового веков». Правда, нельзя не упомянуть, что в 1859 г. Академия лишилась своего самого ценного археологического собрания — Сибирской коллекции Петра I и «Мельгуновского клада». Это произошло следующим образом. В декабре 1859 г. председатель только что созданной Императорской Археологической комиссии граф С.Г. Строганов устроил в Эрмитаже выставку части археологических вещей, хранящихся в Академии наук. В основном это были золотые вещи, выполненные в скифском зверином стиле. Мотивируя тем, что они хранятся в академии «не разложенными, в ящиках и недоступны ни для обозрения, ни для изучения», Строганов выступил с предложением о передаче их в Эрмитаж. Подготовив, таким образом, почву, он инициировал осмотр выставки императором Александром II, который тут же и распорядился осуществить эту передачу (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1859 г. Д. 4. Л. 17–18).

Но, несмотря на эту утрату, пополнение Этнографического музея академии археологическими предметами интенсивно продолжалось, особенно с 1860-х годов. Поступали коллекции из развалин Сарая, с побережья Каспийского моря, из Киргизских степей и Алтая, Олонецкой губернии. В 1870-е годы значительно увеличилось число поступлений и расширился географический круг (Крым, Сибирь, Амурский край, Средняя Азия и т.д.). Большие коллекции были собраны И.С. Поляковым (в Карелии, на Верхней Волге, на палеолитических стоянках Костенки на Дону, Карачарово вблизи Муроме, неолитической стоянке Волосово и др.) и К.С. Мережковским (на палеолитических памятниках горного Крыма). Поступили «мерянские вещи» из раскопок А.С. Уварова 1877 г. Появляются и зарубежные находки из Франции, Скандинавии, Швейцарии, Америки. Хранитель музея Ф.К. Руссов, посетив археологические собрания Берлина, Нюрнберга, Вены, утверждал, что в некоторых случаях аналогичные коллекции Этнографического музея не только не уступают им, но даже превосходят. В своем донесении о результатах поездки он писал: «Подобной коллекции каменных орудий, как, например, наша Бутеневская из Олонецкой губернии, дополненная недавно множеством слепков с таких орудий, найденных в разных частях Финляндии, я не встречал нигде» (Руссов, 1869, с. 103). Правда, позднее в своем же историческом очерке Руссов признавал, что в экспозиции

того времени было чрезвычайно тесно и некоторые коллекции были в ящиках, а не шкафах (Russow, 1900, S. 31).

В конце 1878 г. Академия наук наконец приняла проект объединения Антропологического (Анатомического) и Этнографического музеев. Новый музей получил официальное название «Музей антропологии и этнографии преимущественно России», впрочем, от последних двух слов впоследствии отказались. Среди целей и задач музея в его уставе значилось: «Собирать доисторические древности, найденные в России; заботиться о соответствующей постановке предметов в трех отделах: по антропологии, по этнографии и по доисторической археологии» (Станюкович, 1964, с. 65). Соответственно, хотя «археология» и не фигурировала в названии, согласно уставу музей должен был быть в такой же степени археологическим, как и антропологическим и этнографическим. В начале 1880-х годов «собрание доисторических древностей каменного века, относящееся исключительно к России», насчитывало 1875 номеров, а «собрание древностей, найденных в курганах и древних могилах, а равно и других остатков древнейшей культуры» — 259 номеров (СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 32. Л. 1). Однако музею не хватало ни финансов на приобретение новых экспонатов и организацию экспедиций, ни помещений, ни сотрудников. Только в 1887 г. музей получил выставочное помещение из двух залов на втором этаже флигеля, пристроенного к зданию Кунсткамеры по Таможенному переулку. В этом помещении и открылась первая экспозиция объединенного музея. Как следует из путеводителя по ней, составленного Ф.К. Русовым и выпущенного в свет в 1891 г., археологические коллекции демонстрировались в двух разделах экспозиции. Выставка отдела антропологии состояла из двух частей: «Отдел древностей каменного века» и «Отдел человеческих черепов и скелетов». В первом помимо коллекций каменных орудий с территории России присутствовали «орудия и оружия островитян Тихого океана и первобытных жителей побережья Берингова моря» (это были скорее этнографические материалы) и подлинные предметы и слепки из ряда европейских стран. В этнографической части экспозиции имелся раздел «Древности, относящиеся к эпохе бронзы и железа», в котором были показаны «чудские» медные орудия, оружие и «мелкие изделия» из Сибири, предметы из раскопок курганов Тверской, Вологодской, Владимирской, Ярославской губерний, окрестностей Мелитополя и Крыма, «остатки различной домашней утвари из камня, глины, стекла, кости и металлов» из Поволжья и Средней Азии. Большинство предметов выставлялось в шкафах по материалу, из которого они были изготовлены: вещи из бронзы, железа, керамика. Последние в свою очередь подразделялись по размеру и технике — лепные или гончарные. Здесь также имелись и зарубежные находки, экспонируемые для сравнения и подтверждения эволюционистских представлений о сходстве и поэтапном развитии многих элементов культуры, особенно технологических, на различных территориях. Так, вместе с бронзовыми орудиями из Восточной Сибири были помещены аналогичные предметы из Дании (Руссов, 1891, с. 21–23, 66–67). Вместе с этнографическими коллекциями продол-

жали поступать и археологические предметы. Например, в 1893 г. в музей поступило собрание К.И. Вебера из 144 вещей по археологии и этнографии Кореи (Музей, 1917, с. 247).

Новый этап в деятельности Музея антропологии и этнографии начинается в 1894 г., когда на пост директора приходит известный ученый В.В. Радлов, стремившийся всячески пополнять собрания и развивать научную и экспедиционную деятельность музея. В сферу интересов выдающегося тюрколога входила и археология. Еще в 1860-е годы, живя в Барнауле, он проводил многочисленные раскопки курганов в долине Енисея и на Алтае, в Абаканской и Киргизской степи. Правда, образцовыми, как полагал А.М. Решетов (Решетов, 1995, с. 77), их назвать трудно, поскольку использовалась традиционная методика раскопок «колодцем» или «траншеей» (Артюх, 2005, с. 253). В.И. Матющенко считал, что эти раскопки проводились на невысоком методическом уровне и полевая документация была невысокого качества, но, тем не менее, они обогатили науку огромным фондом источников (Матющенко, 2001, с. 44) Радлов разработал четырехчленную периодизацию истории материальной культуры населения Южной Сибири эпохи металлов и пытался связать эти древности с этническими общностями, известными по письменным источникам. Так, стремясь реконструировать погребальный обряд древнего населения Горного Алтая, он привлек китайские источники по уйгурам, в которых содержалась информация о погребально-поминальных традициях древних народов Сибири. Отмечая существенные различия курганов в Катанде и Берели от памятников эпохи бронзы, ученый полагал, что они были оставлены пришлым населением, т.е. он первым указал на то, что культура населения Горного Алтая скифского времени сформировалась в результате инокультурного компонента.

В 1891 г. В.В. Радлов организовал Орхонскую экспедицию, в ходе которой были открыты памятники тюркской рунической письменности и развалины древнейуйгурской столицы Карабалгасуна. По результатам своих исследований, а также используя коллекции местных собирателей (в частности, горного инженера И.А. Лопатина), он подготовил обобщающую работу «Сибирские древности», изданную Археологической комиссией в трех выпусках серии «Материалы по археологии России» (Радлов, 1888; 1891; 1894).

Приступив к руководству музеем В.В. Радлов в первую очередь наладил систему научной регистрации коллекций, взяв за основу схему, принятую в Копенгагенском музее, при которой каждый предмет получал двойной номер — коллекционный и порядковый. Среди неотложных первоочередных задач новый директор считал пополнение созданного в 1894 г. археологического отдела музея, который должен был выполнять две функции. Первая обязывала его быть своего рода введением к этнографической части экспозиции, демонстрируя посетителям доисторическую культуру человечества. Вторая должна была восполнить пробел в ряду столичных музеев из-за отсутствия специального археологического музея. Для реализации поставленных задач академик Радлов предложил Общему собранию Академии наук «обратиться в Императорскую Археологическую комиссию с просьбой

помочь нам полнить археологический отдел нашего Музея. Мне известно, что в комиссии ежегодно собирается богатый материал древностей, находящихся во всех частях России, и что эти коллекции ежегодно распределяются между различными музеями. Так как в С.-Петербурге нет археологического музея, то эти коллекции отправляются в Москву и другие города. Я лично обращался к председателю Археологической комиссии и убедился, что он охотно исполнит нашу просьбу, если Академия официально обратиться к нему» (Ко дню семидесятилетия, 1907, с. 37). Этот призыв был услышан в Археологической комиссии, которая с этого времени стала регулярно передавать в МАЭ отдельные находки, целые коллекции и особенно краниологические материалы, полученные в ходе раскопок в различных местах. Например, отчет музея за 1906 г. сообщал, что «Археологический отдел обогатился 16-ю коллекциями (свыше 2000 предметов, не считая многих тысяч предметов, еще не зарегистрированных). Громадное большинство относится к области керамики, отчасти бронзы и поступило в Музей от Императорской Археологической комиссии, весьма сочувственно относящейся к деятельности этого отдела» (Отчет АН, 1906, с. 85.) В 1908 г. Археологическая комиссия опять уведомляла Музей антропологии и этнографии о том, «что она с особенным удовольствием озаботится пополнением Музея предметами древности, так как уже давно ощущалась потребность иметь в С.Петербурге большой, доступный и надежно организованный археологический музей. Со своей стороны Комиссия позволяет себе, кроме того, напомнить Музею, что в собраниях Императорского Эрмитажа имеются излишние для него, но ценные для Музея коллекции, которые могли бы быть ему переданы по исходатайствованию соответственного Высочайшего разрешения» (СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 57. Л. 102).

В 1889 г. музей получил во временное пользование семь комнат во флигеле главного здания академии, в эти помещения были переведены два отдела: антропологический и доисторической археологии. В 1898 г. «для приведения в порядок и регистрирования коллекций отделов Антропологического и Доисторической археологии был приглашен окончивший Парижскую Антропологическую школу Н.М. Могилянский» (Ко дню семидесятилетия, 1907, с. 49), но вскоре он перешел в Этнографический отдел Музея императора Александра III.

Крупные поступления археологических коллекций были в 1893 и 1894 гг. — 1009 и 2026 предметов соответственно, но особенно активно археологический отдел стал пополняться с 1906 г. — 5011 предметов, в 1907 г. — 4059, в 1908 г. — 2502, в 1910 г. — 2959 и т.д. (Музей, 1917, с. 303). «Археологический отдел, принужденный ютиться в крошечной комнатке, растет не по дням, а по часам», — отмечали современники (Ко дню семидесятилетия, 1907, с. 102). К 1914 г. в отделе доисторической археологии насчитывалось почти 28 тысяч предметов, а в 1889 г. их числилось всего 3385 (Музей, 1917, с. 237), т.е. за 15 лет произошло увеличение фонда в семь раз!

По-прежнему самые большие поступления археологических коллекций были из Археологической комиссии. Так, в 1909 г. она передала 1348 пред-

метов, среди которых были коллекция из раскопок П.Г. Тарасова Поломского могильника в Вятской губернии, золотые вещи из раскопок курганов Акмолинской области, проведенных А.А. Козыревым. Для учебно-дидактических целей была приобретена коллекция муляжей с палеолитических орудий Франции (Отчет АН, 1909, с. 105–107). В 1910 г. Археологическая комиссия передала 1964 предмета, среди них были находки из раскопок Н.М. Печенкина в Херсонесе (217 вещей), из раскопок в Керчи (66), раскопок Н.И. Веселовского на Кубани (36), раскопок Емельянова в Вятской губернии (554), раскопок А.А. Миллера (45), из Тамбовской и Сибирской губерний (850), Америки (67). 975 номеров составила коллекция древних фресок из Восточного Туркестана, собранных экспедицией С.Ф. Ольденбурга. Много археологических предметов поступало из Географического общества (Отчет АН, 1910, с. 105–125; см. Приложение 19).

Основным способом пополнения коллекций музея оставались дарственные приношения от отдельных ученых и организаций, но в 1906 г. были предприняты и самостоятельные археологические раскопки, когда музей командировал в район Балахны для их производства В.И. Каменского. Заметная активизация деятельности МАЭ в области археологии была связана как раз с привлечением к его работе В.И. Каменского.

Владимир Иванович Каменский (сер. 1870-х годов — 1912) происходил из известного пермско-нижегородского рода купцов Каменских, владевших крупным пароходством на Волге и Каме. Вероятно, он был одним из пятерых детей Ивана Федоровича Каменского (1842–1883) и приходился внуком основателю династии предпринимателей Федору Кузьмичу Каменскому (1809–1883). Закончив в 1893 г. частную гимназию Поливанова в Москве, он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, в 1895 г. перешел в Демидовский юридический лицей в Ярославле, но диплома его тоже не получил. К началу XX в. являлся членом Нижегородской губернской ученой архивной комиссии и начиная с 1901 г. проводил разведки и раскопки неолитических стоянок и курганов в Балахнинском уезде Нижегородской губернии. Так, летом 1902 г. были раскопаны могильник на краю старой долины Оки, на естественном возвышении, именуемом «Шишка», и «Рыловский» курган близ дер. Чуркино. На эти работы был получен от Императорской Археологической комиссии открытый лист № 779 на имя Нижегородской комиссии, и по их итогам В.И. Каменским составлены отчет, описи находок, планы могильника, сделаны фотографии погребений и отдельных предметов (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1902 г. Д. 86). А Нижегородская ГУАК заслушала сообщение ее председателя А.А. Савельева и доклад правителя дел В.И. Снежневского об этих раскопках (Действия...1903, с. 47–49). Полевые исследования были продолжены и в 1903–1904 г., причем теперь открытый лист от ИАК уже выписывался непосредственно на имя В.И. Каменского, который в это время уже жил в Петербурге по адресу: Екатерининский канал, д. 81. кв. 20 (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1903 г. Д. 78. Л. 1; см. Приложение: 14, 15). В 1904 г. В.И. Каменский и А.И. Звездин провели раскопки неолитических стоянок на песчаных дюнах, называемых

«панскими буграми». Краткий отчет об этих работах был напечатан в издании Нижегородской ГУАК (Действия...1906, с. 35—37). Небольшая информация об этих исследованиях появилась и в «Записках отделения славяно-русской археологии» Русского Археологического общества (Каменский, 1903; Спицын, 1903). В 1905 г. в этом же издании вышла большая совместная публикация В.И. Каменского и А.А. Спицына о стоянке каменного века в окрестностях Балахны (Каменский, Спицын, 1905). В 1904 г. коллекции из Балахны, собранные Каменским, демонстрировались на выставке в Археологической комиссии и были показаны императору Николаю II, посетившему комиссию 9 апреля 1904 г. (Императорская... 2009, с. 218).

В 1905 г. открытый лист на раскопки в окрестностях с. Бологое Валдайского уезда Новгородской губернии, на берегах Онежского и Лачского озер и р. Онеги Олонецкой губернии, а также с. Большое Козино Балахнинского уезда Нижегородской губернии выдается В.И. Каменскому уже как слушателю Санкт-Петербургского археологического института, проживающему на Офицерской ул. д. 17, кв. 47 (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1905 г. Д. 98. Л. 1). В Археологический институт он поступил еще в 1902 г. (см. Приложение 18), но, вероятно, выпускного свидетельства также не получил. В том же 1905 г. уже сама ИАК поручает Каменскому осмотреть в Сычевском уезде Смоленской губернии остатки деревянных конструкций, найденных крестьянами д. Манишиной на берегу реки Вазузы (Там же. Л.16; см. Приложение 16). В 1906 г. В.И. Каменский был представлен общему собранию Русского Археологического общества и сделал сообщение «К вопросу о происхождении неолитического гончарства в России». В последующие годы он опять выступал с докладами и подарил в музей общества находки со стоянки у Балахны (Протоколы... 1915, с. 255, 260, 304, 354).

Начинается и сотрудничество В.И. Каменского с Музеем антропологии и этнографии. Так, еще в конце 1903 г. Императорская Археологическая комиссия обращалась к директору Этнографического музея АН с просьбой разрешить В.И. Каменскому ознакомиться с коллекциями И.С. Полякова, собранными на Оке (РА ИИМК Ф. 1. 1903. Д. 78. Л. 5), а с 1907 г. он уже работает в археологическом отделе МАЭ в качестве внештатного сотрудника и вместе с «младшим этнографом» Б.Ф. Адлером занимается регистрацией коллекций и подготовкой экспозиции. В 1906—1908 гг. Каменский передал в музей несколько коллекций каменных орудий и керамики из своих раскопок близ Балахны общей численностью более 3000 предметов. (см. Приложение 18). К 1910 г. Каменский становится основным хранителем археологических коллекций МАЭ, во всяком случае он записал в своем рабочем дневнике «исправляющего должность хранителя отделения Антропоархеологии»: «Вчера в воскресенье 24 янв. Бруно Федорович Адлер пригласил в наше отделение меня и Василия Васильевича Радлова и сдал мне копии списков археологических коллекций, которые он переписал на пишущей машинке» (СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 41. Л. 6 об.). Именно к нему обращаются российские и зарубежные исследователи по поводу тех или иных археологических вещей, хранящихся в музее (Там же. Л. 4, 7, 8).

С 1906 г. В.И. Каменский регулярно получал командировки от музея для раскопок в Нижегородской, Костромской, Санкт-Петербургской губерниях (СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 45. Л. 15). В 1908 г., получив небольшие денежные средства от музея, он осмотрел несколько городищ (Богородское, Одоевское) и провел раскопки «Чертова городища» и средневекового могильника «Черемисское кладбище» в окрестностях Ветлуги. Отчет о раскопках Чертова городища был напечатан в Сборнике МАЭ (Каменский, 1909), а рукописный отчет о раскопках Черемисского кладбища сохранился в архиве (Архив МАЭ. Колл. 1265. Л. 63–73). Были в отчете и зарисовки погребений (рис. 1, 2). Об этих раскопках и их результатах В.И. Каменский рассказал также в письме к коллеге по музею Л.Я. Штернбергу (см. приложение 2).

В деятельности Музея антропологии и этнографии сказывалась и некая конкуренция с Этнографическим отделом Музея императора Александра III. В 1902 г. В.В. Радлов предлагал объединить музеи, его предложение поддержки не получило. Особенно эта конкуренция сказывалась в сборе археологических материалов. Так, В.И. Каменский сообщал Л.Я. Штернбергу: «В то время когда в г. Ветлуге мы с Н.Н. Виноградовым обсуждали план наших действий, к нам подъехал студент С.-Петербургского Университета, некий г. Ефименко. Как оказалось, последний был командирован Музеем Александра III-го раскапывать черемисские могилы для целей этнографических, а от Университета г. Ефименко было дано 100 р. с тем, чтобы он для Музея Университета доставил фиксированный костяк. Таким образом, мы встретились как конкуренты и нам предстояло: или работать вместе в Тоншаевской волости, потому что самые надежные и интересные могильники находятся там, или разделить поле деятельности и предоставить ему копать могильники у с. Тоншаева, а самим ограничиться раскопкой городища. Ввиду того, что г-ну Ефименко было ассигновано вдвое больше средств, чем мне,

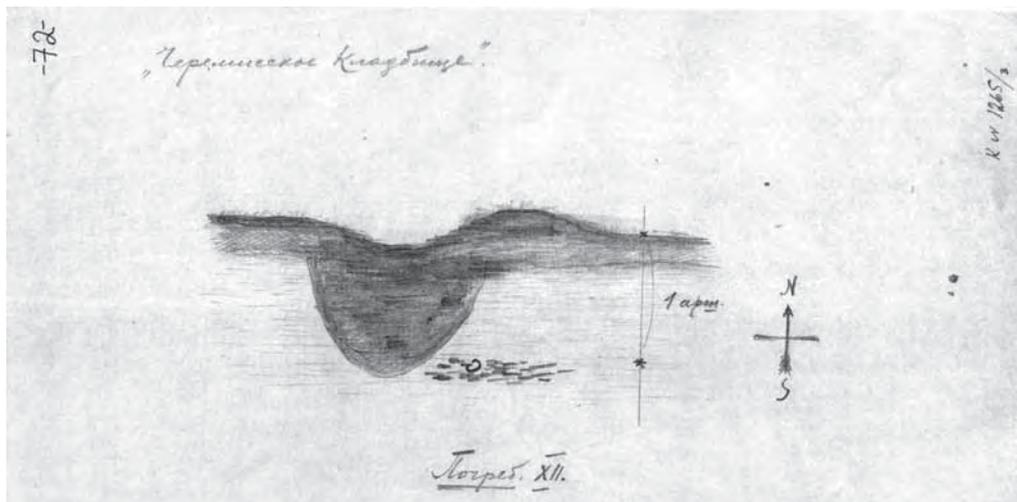

Рис. 1. Рисунок В.И. Каменского из отчета о раскопках «Черемисского кладбища». Архив МАЭ (АМАЭ). Ф. К-VI. Оп. 1. № 38

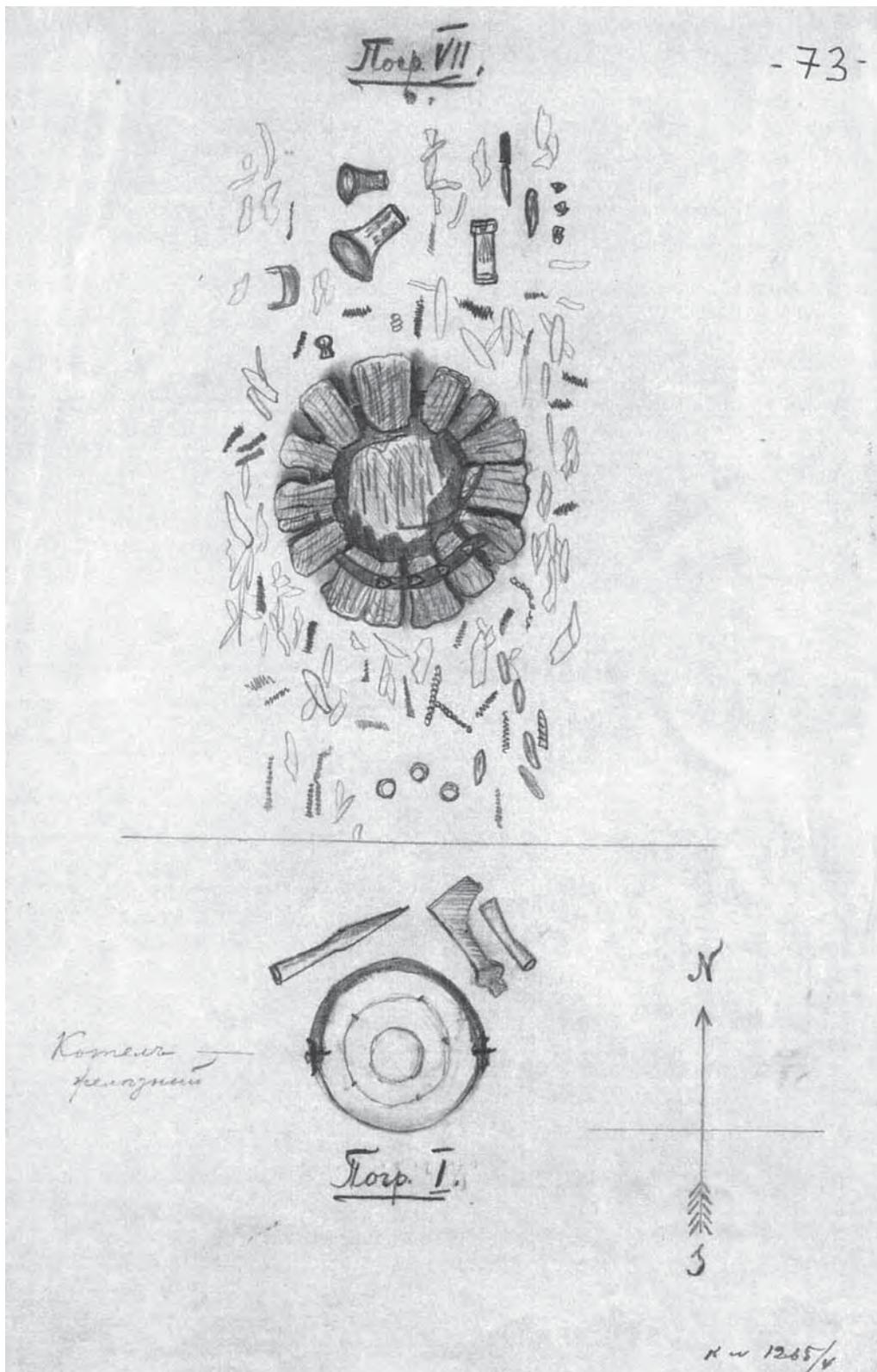

Рис. 2. Рисунок В.И. Каменского из отчета о раскопках
«Черемисского кладбища». Архив МАЭ (АМАЭ). Ф. К-VI. Оп. 1. № 38

я не рискнул вступить с ним в конкуренцию и остался при р. Ветлуге» (СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 58. Л. 321–322; см. приложение 2). Не может не обратить на себя внимание и тот факт, что все ученики Ф.К. Волкова по Петербургскому университету сотрудничали с Этнографическим отделом Музея императора Александра III, где работал Волков, а вот их связей с академическим Музеем антропологии и этнографии в это время не прослеживается.

В 1909 г. В.И. Каменский был включен в состав экспедиции С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан, организованной Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Одной из важнейших целей экспедиции было археологическое обследование малоизученной территории, поэтому в ее состав для проведения раскопок и были включены В.И. Каменский и С.П. Петренко. Каменский сообщал руководителю экспедиции из Сергиополя 19 июня 1909 г.: «Многоуважаемый Сергей Федорович! Доехал я благополучно, если не считать небольшой возни с правым задним колесом у телеги. Прибыл в Сергиополь в 9 ч. утра. Ночевал, едучи в открытом тарантасе, и вследствие этого слегка простужен, но настроение бодрое. Через час или два отправляюсь в Чугучак» (СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 250. Л. 1). Прибыв в Чугучак 22 июня и наняв переводчика, члены экспедиции отправились дальше, в Урумчи и Карашар, однако полученная простуда не прошла даром, и оба археолога, заболев, были вынуждены вернуться в Россию из Урумчи.

В 1910 г. В.И. Каменский, получив по запросу В.В. Радлова (см. приложение 17), открытый лист № 790 от Императорской Археологической комиссии и направление от Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, вновь отправился в экспедицию в Семипалатинскую область. От губернатора области были получены предписание всем «должностным лицам уездной, волостной и сельской администрации» оказывать полное содействие и обеспечивать лошадьми и охраной. Поскольку экспедиция в этих районах была небезопасной, археолог в качестве экипировки среди прочего экспедиционного оборудования и геодезических приборов получил два револьвера и винтовку. В ходе этой экспедиции В.И. Каменским был частично раскопан андроновский могильник Малый Койтас на притоке Иртыша р. Кзыл-Су. В начале июля он сообщал В.В. Радлову: «Глубокоуважаемый Василий Васильевич! После долины Койтас Арчалинской волости, о которой я Вам писал, раскопка производилась мною на участке Александра Дмитриевича Шайтанова (бывшего сепаратиста) близ г. Усть-Каменогорска. Там оказалась каменная статуя монгольского типа, интересная тем, что в руках, опущенных к низу, она держит сосуд. Эту статую я решил взять и оправить в Музей, для чего был мною заказан в городе особый ящик, в котором, надеюсь, эта статуя дойдет без поломок; вес ее с ящиком 31 п. 30 ф. Курганы там имели вид уже раскопанных, кроме одной осыпанной камнями могилы. Я ее раскопал — оказалось конное, очень неглубокое, вероятно, зимнее погребение. Из вещей: железные наконечники стрел, удела и медная пряжка. Железо очень ржавое, разрушается от прикосновения» (СПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 62. Л. 31–32; см. Приложение 7).

Кроме В.И. Каменского в экспедиции для археологических раскопок музей направлял в 1906 г. «студента Даниила Тимофеевича Яновича на летние месяцы в Тверскую и Новгородскую губ. для производств раскопок неолитических местонахождений, а также для предварительных разведок озерных местностей, где предполагаются остатки свайных жилищ, и попутного собирания этнографических объектов и ассигновав ему на расходы по командировке 200 рублей из сумм Музея» (СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 57. Л. 50). Также музей командировал в 1912 г. С.М. Широкогорова и В.Н. Робинсона в Тверскую губернию, в 1913 г. И.Т. Савенкова и В.М. Лемешевского в Тверскую губернию для обследования стоянок каменного века, шведского археолога Т.И. Арне для раскопок в различных местах, в 1914 г. С.М. Дудина в Восточный Туркестан, В.М. Сиротину и В.М. Лемешевского в 1915 г. для исследования палеолита в окрестностях Ржева, Б.Э.Петри в 1913 и 1916 гг. на Байкал (СПФ АРАН. Ф.142. Оп. 1. Д. 63. Л. 482; Д. 66. Л. 18; Д. 69. Л. 103; Д. 70. Л. 59).

Археологический отдел был открыт для публики только в 1909 г. и почти сразу же начался его перевод в помещения построенного на частные средства члена попечительского совета музея Ф.Ю. Шотлендера третьего этажа музейного флигеля, что обещало «сделать его ядром большого археологического музея в Петербурге». В двух больших залах третьего этажа предполагалось устроить памятный отдел Петра Великого, куда должны были войти собрания Петровской галереи Эрмитажа, а во втором зале разместить экспозицию отдела археологии. На создание новой экспозиции ушли 1910 и 1911 гг. и она была готова к началу 1912 г., когда неожиданно и скоропостижно скончался В.И. Каменский. Биографических сведений о нем в делах музея не оказалось, видимо, поэтому в 1915 г. МАЭ обращался к его сестре Ольге Ивановне Каменской (1871 — после 1921), проживавшей на станции Вырица, с просьбой прислать сведения о покойном археологе, но их в архивном деле также не обнаружилось (СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 69. Л. 187).

Окончательное открытие залов третьего этажа для публики состоялось в торжественной обстановке 20 мая 1912 г. в присутствии его императорского высочества князя Александра Георгиевича Романовского, который замещал болевшего президента Академии наук великого князя Константина Константиновича. На церемонии открытия также присутствовали товарищ министра народного просвещения В.Т. Шевяков, вице-президент академии П.В. Никитин, академики, члены Государственного Совета, представители науки и искусства. Император прислал телеграмму из Ялты, выражая свое «удовольствие» по случаю открытия новой экспозиции музея.

В 1910—1917 гг. в музее работал Бернгард Эдуардович Петри (1884—1937) (рис. 3), сын географа и антрополога Э.Ю. Петри (1854—1899) (о Э.Ю. Петри см.: Тихонов, 2003, с. 109—112). После смерти коллеги опекунство над его семьей взял на себя В.В. Радлов, устроивший на работу в музей вдову и старшего сына ученого. Помимо этнографических исследований Б.Э. Петри активно занимался археологией исходя из представления о ее тесных связях

Рис. 3. Б.Э. Петри.
Рисунок Н.М. Полянского.
АМАЭ. Ф. К-VI. Оп. 1. № 38

с этнографией и антропологией (Сирина, 2002, с. 62). Во время трех экспедиций в Сибирь (1912, 1913 и 1916 гг.), которые финансировались Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии, он открыл серию неолитических стоянок и поселений железного века в южной части побережья оз. Байкал и провел их раскопки. Среди исследованных памятников были многослойная стоянка Улан-Хада, стоянки в бухтах Песчаная и Академическая, кроме того, были проведены раскопки землянок в местности Уту-елга, где были обнаружены следы добычи железной руды и железоделательного производства. Описание этих работ и находок Петри поместил в Сборнике МАЭ и Отчете АН (Петри, 1916а; 1916в), а коллекцииполнили собрания музея.

Б.Э. Петри стал заведующим археологическим отделом музея после смерти В.И. Каменского, ему пришлось доделывать археологическую экспозицию, составлять каталог археологических коллекций (СПФ АРАН. Ф. 142 Оп. 1. Д. 22). В 1916 г. он выпустил путеводитель по археологическому отделу (Путеводитель, 1916), который дает ясное представление о структуре существовавшей тогда экспозиции (рис. 4, 5). В ее основу были положены хронологический и территориальный принципы. Первая витрина, посвященная палеолиту Западной Европы, содержала отдельные каменные, костяные и роговые орудия, расположенные по периодизации Г. де Мортилье. Следующие две витрины показывали подобные находки на территории Сибири и Европейской России. Здесь центральное место занимали коллекции И.Т. Савенкова из раскопок Афонтовой горы и И.С. Полякова из Костенок. Значительно шире были представлены материалы эпохи неолита, которые занимали десяток витрин и «шкапов». Демонстрировались коллекции И.С. Полякова и В.И. Каменского со стоянок в районе Балахны в Нижегородской губернии (рис. 6), дюнных стоянок на Оке, коллекции и отдельные находки из Карелии и Сибири. Неолитическая культура Байкала была представлена материалами стоянки Улан-Хада, раскопанной Б.Э. Петри в 1913 г. Отдельные витрины были посвящены неолиту Амурской области, Японии, Сахалина и Камчатки. Неолит Западной Европы представляли материалы

Рис. 4. Экспозиция отдела археологии.
Фото 1925 г. АМАЭ. Ф. К-VI. Оп. 1. № 38

Рис. 5. Экспозиция отдела археологии.
Фото 1925 г. АМАЭ. Ф. К-VI. Оп. 1. № 38

Рис. 6. Витрина с материалами раскопок В.И. Каменского.
АМАЭ. Ф. К-VI. Оп. 1. № 38

свайных поселений Швейцарии и датских кекенмьедингов («кухонных остатков») (рис. 7).

«Шкапы» № 103 и 104 демонстрировали находки бронзового века из Дании, а № 97 и 98 — из Енисейского края. В этой части экспозиции не было

Рис. 7. Витрина «Свайные поселения Швейцарии».
АМАЭ. Ф. К-VI. Оп. 1. № 38

четкого деления на бронзовый и железный век, и, как писал Б.Э. Петри, «образцы века металлов расположены исключительно в географическом порядке» (Путеводитель, 1916, с. 24). В отдельных витринах находились коллекции из раскопок Ананьинского могильника на Каме (рис. 8), раскопок В.И. Каменского на Чертовом городище и Черемисском кладбище в Ветлужском уезде Костромской губернии (рис. 9). В витрине, посвященной Кавказу, были древности Кобанского могильника и находки Э. Ресслера

Рис. 8. Витрина с материалами Ананьинского могильника.
АМАЭ. Ф. К-VI. Оп. 1. № 38

Рис. 9. Материалы раскопок В.И. Каменского.
АМАЭ. Ф. К-VI. Оп. 1. № 38

в Елисаветопольской губернии. Витебская губерния была представлена могильниками из раскопок Е.Р. Романова, а Вятская губерния — Поломским могильником. Кроме витрин («шкапов») с металлическими орудиями, украшениями и керамикой на экспозиции находились каменные бабы, а завершалась она материалами раскопок греческих колоний в Северном Причерноморье.

Заметное преобладание коллекций по каменному веку стало отличительной чертой археологического отдела МАЭ и в более поздние времена (Нечаева, Попова, Федоров, Фрадкин, 1964, с. 154). Также нетрудно заметить, что археологическая часть экспозиции Музея антропологии и этнографии преследовала несколько иные цели и была построена на иных принципах, чем экспозиции Императорского Эрмитажа. Она ставила своей основной задачей показ эволюционного развития культуры человека с древнейших времен до исторических эпох и служила своеобразным введением к этнографическому разделу. Правда, нельзя не признать, что ее территориальное

Рис. 10. В.М. Лемешевский в экспозиции музея. АМАЭ. Ф. К-VI. Оп. 1. № 38

расположение в музее на третьем этаже оказалось не слишком удачным, поскольку «введение», вместо того чтобы предварять этнографические залы, заключало их. Тем не менее археологическая экспозиция была по сути единственной в Санкт-Петербурге общедоступной для широких слоев публики значительной музейной выставкой материалов и коллекций по первобытной археологии.

С 1913 г. в отделе археологии начал работать В.М. Лемешевский (рис. 10), а вскоре он и возглавил его. В том же году Лемешевский вместе с И.Т. Савенковым проводит археологические разведки в Тверской губернии. Исследователи изучают местные собрания по каменному веку, обследуют берега Волги, собирают коллекцию, составившую около 750 предметов, кото-

рая, по их мнению (ошибочному по современным представлениям), характеризовала переходную эпоху от мустье к ориньяку (Отчет АН, 1913, с. 175). В 1914 г. В.М. Лемешевский был командирован МАЭ в Париж, где он изучал коллекции Сен-Жерменского музея национальных древностей Франции, а на обратном пути на несколько месяцев до января 1915 г. был задержан в Германии из-за начавшейся войны.

В 1916 г. музей получил в дар от П.В. Сюзева большую (более 2000 предметов) коллекцию по трипольской культуре, собранную в Галиции и Бессарабии, а С.М. Широкогоров провел обследование берегов Амура, в ходе которого были открыты четыре неолитических стоянки и целая серия поселений и могильников более поздних эпох. В том же году в отделе были организованы учебные занятия для слушателей Высших географических и Высших женских курсов. С материалами археологического отдела в течение нескольких лет приезжали работать К.И. Сойкелли, Ю. Айлио, А. Хакман из Гельсингфорса (Хельсинки), Т. Арне, Г. Гальштрем, д-р Шнитгер из Стокгольма, отечественные исследователи — хранитель исторического музея в Москве П.А. Незнамов и Е.А. Рыздзевская.

Помимо отдела доисторической археологии в музее существовал отдел исторической археологии Средней Азии, содержавший коллекции Китайского и Русского Туркестана. Начало обоим собраниям было положено в 1882 г. коллекциями А.Э. Регеля, собранными в ходе экспедиции 1879 г. Затем туда поступили материалы из раскопок Афрасиаба, проведенных В.В. Бартольдом в 1904 г., коллекция Е.И. Александра, материалы экспедиций С.Ф. Ольденбурга. С 1910 г. отделом заведовал С.М. Дудин «под общим руководством С.Ф. Ольденбурга», и к 1914 г. там насчитывалось 5714 археологических предметов, которые хранились в МАЭ до 1934 г., когда произошла их передача в Эрмитаж (Вишневецкая, 1989, с. 16).

В заключение надо отметить, что стремительно растущие в начале XX столетия археологические собрания музея вполне обоснованно претендовали на то, чтобы заполнить лауну в музейном пространстве Петербурга — Петрограда, образовавшуюся из-за отсутствия специального музея, посвященного первобытной археологии. Их присутствие в Музее антропологии и этнографии было вполне логичным, поскольку все три дисциплины воспринимались в то время в качестве триединого целого — науки о первобытной культуре человечества. Многие аналогичные музеи европейских столиц: Парижа, Берлина, Рима, Лондона — также сочетали в себе археологические и этнографические коллекции. Например, до сих пор римский музей Луиджи Пигорини состоит из археологической и этнографической частей. Но вот рост археологической экспозиции, которая в полноценном объеме появилась только в 1912 г., оказался скован общим недостатком экспозиционных площадей музея.

В 1917 г. В.В. Радлов подготовил специальную «Записку в академическую комиссию для рассмотрения вопроса об образовании Государственного Музея Антропологии, Этнографии и Археологии». Этот проект предусматривал объединение в одном музее всех имеющихся в Петрограде

этнографических и археологических коллекций: «По отношению к нашему Музею нужно принять во внимание, что целый ряд этнографических собраний хранится в Эрмитаже, в Географическом обществе, в Артиллерийском и других музеях, и, в частности, Этнографический отдел Русского Музея императора Александра III представляет собой в целом учреждение, преследующее тождественные с академическим музеем цели, хотя и в более ограниченных размерах. Точно так же с коллекциями археологическими в Археологической комиссии, Артиллерийском музее и некоторых других учреждениях» (цит. по: Решетов, 1996, с. 35). Естественно, что реализация подобного проекта перспектив не имела, тем не менее пополнение археологических собраний МАЭ в послереволюционные годы не только не прекратилось, а даже увеличилось. В 1920–1930-е годы поступают крупные коллекции из раскопок П.П. Ефименко, С.Н. Замятина, Г.А. Бонч-Осмоловского, С.Н. Бибикова, В.И. Равдоникаса, А.В. Шмидта, В.А. Гордцова, Н.И. Репникова, П.Н. Третьякова и многих других археологов. В итоге археологическое собрание МАЭ достигло более тысячи коллекций, насчитывающих почти 600 тысяч единиц хранения. В 1930-е годы в археологическом отделе музея начали работать выдающиеся исследователи палеолита П.П. Ефименко и С.Н. Замятин (Кунсткамера, 2009, с. 244, 248). Археологические экспозиции и коллекции музея широко использовались в учебном процессе при подготовке археологов в Ленинградском университете (рис. 11, 12, 13).

Рис. 11. Сотрудники отдела археологии. В.В. Федоров проводит занятия со студентами ЛГУ. 1931 г. АМАЭ. Ф. К-VI. Оп. 1. № 38

Рис. 12. С.Н. Замятин проводит занятия со студентами ЛГУ. 1937 г.
АМАЭ. Ф. К-VI. Оп. 1. № 38

Рис. 13. Д.Н. Лев проводит занятия со студентами ЛГУ. 1939 г.
АМАЭ. Ф. К-VI. Оп. 1. № 38

Еще одна попытка «конституировать» археологию в названии и научном профиле учреждения была предпринята в 1935 г., когда Институт антропологии и этнографии АН СССР, созданный на базе музея в 1933 г., был переименован в Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР. Нелишним будет здесь вспомнить, что первый выпуск сборника «Советская археология» в 1936 г. был подготовлен именно этим институтом. Но 5 августа 1937 г. Президиум АН СССР принял решение о его преобразовании в Институт этнографии с Музеем антропологии и этнографии имени Петра Великого. Исчезновение археологии из названия, скорее всего, было связано с созданием Института истории материальной культуры имени Н.Я. Марра АН СССР, в который была преобразована Государственная академия истории материальной культуры. Это решение было принято на том же заседании Президиума АН СССР 5 августа 1937 г. Наличие двух археологических учреждений в одной Академии наук, видимо, представлялось излишним советским чиновникам от науки.

Библиография

Артюх Е.А. К вопросу о методике археологических исследований во 2-й пол. XIX в. (на примере деятельности В.В. Радлова) // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул: Аз Бука, 2005. С. 251–254.

[Бакмейстер И.] Опыт библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Академии Наук / Пер. В. Костыгова. СПб., 1779.

Бартольд В.В. Нумизматическое отделение // Азиатский музей Российской Академии наук 1818–1918. Краткая памятка. СПб., 1920. С. 107–112.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Вклад Иоганна Вильгельма Люрсениуса в изучение древностей Южной Сибири // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): биографический аспект. Материалы постоянно действующей конференции. Вып. 2. СПб., 2002.

Бэр К.М., Шифнер АА. О собирании доисторических древностей в России для Этнографического музея // Записки Императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1862. С. 115–123.

Вишневецкая В.А. Из истории собирания среднеазиатско-казахстанских коллекций МАЭ (дооктябрьский период) // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Л.: Наука, 1989. С. 5–17. (Сборник МАЭ. XLIII).

Губанов И.Б. Скандинавская бронза из коллекции МАЭ РАН в контексте истории древней Европы и межкультурных взаимодействий // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 2. Эпоха бронзы — позднее средневековье / Отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: Наука, 2009. С. 86–102.

Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Журналы и доклады. Заседания LVIII–LXVIII с 25-го мая 1901 г. по 2-е марта 1903 г. Нижний Новгород, 1903.

Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Журналы и доклады. Заседания LXIX–LXXIX с 26-го мая 1903 г. по 6-е апреля 1906 г. Нижний Новгород, 1906.

Завитухина М.П. Коллекция Г.Ф. Миллера из Сибири — одно из древнейших археологических собраний России // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 43. Л., 1978.

Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин. Под общ. ред. Е.Н. Носова. СПб., 2009.

Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991.

Каменский В.И. Раскопки близ г. Балахны // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1. С. 94–98.

Каменский В.И. «Чортово городище» в Ветлужском уезде по раскопкам 1908 г. // Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. СПб., 1909. С. 1–14.

Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова 5 января 1907 года. СПб., 1907.

Кунсткамера 295 лет. История, исследования, коллекции. СПб., 2009.

Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992.

Матющенко В.И. 300 лет истории сибирской археологии. Омск, ОмГУ, 2001. Т. 1.

Моисеева Т.М. Петровская Кунсткамера в контексте западноевропейских музеев XVI–XVIII вв. // Сборник МАЭ. Т. XLVIII. СПб.: Наука, 2000. С. 24–34.

Музей антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого // Материалы для истории Академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917. С. 243–307.

Нечаева Л.Г., Попова Т.А., Федоров В.В., Фрадкин Э.Е. Археологическое собрание Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР // 250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. М.; Л.: Наука, 1964. С. 151–168. (Сборник МАЭ Т. XXII).

Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1906 год, составленный непременным секретарем академиком С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1906 года. СПб., 1906.

Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1909 год, составленный и.о. непременного секретаря академиком князем Б.Б. Голицыным и читанный в публичном заседании 29 декабря 1909 года. СПб., 1909.

Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1910 год, составленный непременным секретарем академиком С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1910 года. СПб., 1910.

Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1913 год, составленный непременным секретарем академиком С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1913 года. СПб., 1913.

Охрана памятников истории и культуры в России XVIII–XX вв. М., 1978.

Петри Б.Э. Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада // Сборник МАЭ. Т. 3. Пг., 1916а.

Петри Б.Э. Отчет Б.Э. Петри о командировке на Байкал в 1916 г. // Отчет о деятельности Академии наук по отделению физико-математических наук, истории и филологии. Пг., 1916в.

Протоколы общих собраний Императорского Русского Археологического общества за 1899–1908 гг. Пг., 1915.

Путеводитель по Музею ан / Сост. Б.Э. Петри. Пг., 1916.

Радлов В.В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1 // МАР. № 3. СПб., 1888.

- Радлов В.В.* Сибирские древности. Т. 1. Вып. 2 // МАР. № 5. СПб., 1891.
- Радлов В.В.* Сибирские древности. Т. 1. Вып. 3 // МАР. № 15. СПб., 1894.
- Решетов А.М.* Василий Васильевич Радлов // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 1. СПб., 1995. С. 75–85.
- Решетов А.М.* Музей антропологии и этнографии РАН в последней четверти XIX — первой четверти XX века. Проблемы создания и реорганизации // Кунсткамера вчера, сегодня, завтра. Т. 1. СПб., 1996. С. 9–44.
- Руденко С.И.* Сибирская коллекция Петра I. М.; Л., 1962.
- [Руссов Ф.К.]* Донесение исправляющего должность хранителя Этнографического музея Руссова об осмотре им заграничных этнографических музеев, читанное на заседании историко-филологического отделения 28. I. 1869 года // Записки Императорской Академии наук. Т. 15. СПб., 1869. С. 100–104.
- [Руссов Ф.К.]* Путеводитель по Музею императорской Академии наук по антропологии и этнографии. СПб., 1891.
- Сирина А.А.* Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Репрессированные этнографы. Вып. 1 / Сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Вост. лит-ра, 2002. С. 57–80.
- Спицын А.А.* Чуркинский могильник. Рыловский курган // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1. С. 99–102.
- Спицын А.А., Каменский В.И.* Стоянка каменного века близ г. Балахны // ЗОРСА. Т. VII. Вып. 1. С. 1–72.
- Станюкович Т.В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Станюкович Т.В.* Музей антропологии и этнографии за 250 лет // Сборник МАЭ. XXII. М.; Л.: Наука, 1964. С. 5–150.
- Тихонов Д.И.* Сокровища Азиатского музея и их собиратели (Исторический очерк) // Культура народов Зарубежной Азии. Л.: Наука, 1973. С. 4–35. (Сборник МАЭ. Т. XXIX).
- Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
- Тихонов И.Л. Г.Ф. Миллер как археолог // Г.Ф. Миллер и русская культура /* Отв. ред. Д. Дальманн, Г.И. Смагина. СПб.: Изд-во «Росток», 2007. С. 84–96.
- Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002.
- Формозов А.А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961.
- Формозов А.А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965.
- Формозов А.А.* Археология в Академии наук // СА. 1974. № 2. С. 3–13.
- Формозов А.А.* Начало изучения каменного века в России: первые книги. М.: Наука, 1983.
- Формозов А.А.* Александр Блок читает книгу о первобытном человеке // СЭ. 1990. № 6. С. 123–127.
- Musei Imperialis Petropolitani. Vol. II. Petr., 1742.*
- Russow Fr.* Beiträge zur Geschichte der Ethnographischen Anthropologischen Sammlungen der Keiserlichen Academie der Wissenschaften zu St.-Petersbourg // Сборник МАЭ. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1900.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Письмо В.В. Радлову. 13.05.1908 г.

СПб., 13.V.1908

Глубокоуважаемый Василий Васильевич

Раскопки в Ветлужском крае Костромской губ. представляют, главным образом, тот интерес, что правильных археологических раскопок, сколько нам известно, там произведено не было. Я не хвалю себя как особенного знатока этого дела; но имея уже известный опыт и относясь с особенным интересом к данной местности, я считаю своей первой обязанностью обставить дело предстоящей раскопки как можно более научно.

Могильники Ветлужского края, по свидетельству Николая Николаевича Виноградова¹, довольно обширны и могут заключать в себе свыше ста могил (или около того). А судя по вещам, добытым случайно и из раскопок гг. Поливанова, Нефедова и Бекаревича² можно думать, что новый исследователь соберет обильную жатву, как из раскопок могильников, так и из раскопок городища. Культура тех и других еще

¹ Виноградов Николай Николаевич (1876–1938) — этнограф, фольклорист. С 1903 г. жил в Санкт-Петербурге, участвовал в комплектовании этнографических коллекций Музея им. Александра III, секретарь отделения этнографии ИРГО, редактор журнала «Живая старина». О нем см.: Сизинцева Л.И. Николай Виноградов: парадоксы судьбы // Русское подвижничество. М., 1996 С. 383–387.

² Поливанов А.П. — сын помещика Варнавинского уезда Костромской губернии, член Костромской ГУАК, проводил раскопки на Богородском городище в 1894–1895 гг. См.: Поливанов А.П. Исследование Богородского городища Варнавинского у. // Костромская старина. 1901. Вып. 5. С. 267–269.

Нефедов Филипп Диомидович (1848–1902) — беллетрист-народник и этнограф, член-сотрудник Императорского общества естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. В 1883–1885 гг. проводил раскопки на Одоевском городище и в 1895–1896 гг. курганов в Костромской губернии. См.: Нефедов Ф.Д. Отчет о раскопках в Касимовском уезде 1877 г. // Антропологическая выставка. Т. II. Вып. 2 / ИОЛЕАЭ. 1878. Т. 31. С. 56–61.

Бекаревич Николай Михайлович (1861–1905) — ветеринарный врач, член Совета Костромской ГУАК, археолог-любитель, проводил раскопки костромских курганов и городищ, активный участник трех первых областных археологических съездов. См.: Бекаревич Н.М. Предварительное сообщение о произведенных летом 1900 г. раскопках Богородского городища // Журнал заседаний Костромской ГУАК. 1900. 8 сент., прил. С. 26–29; Бекаревич Н.М. Дневники раскопок курганов, произведенных членом Комиссии в 1895–1899 гг. Н.М. Бекаревичем // Костромская старина. № 5. Кострома, 1901. С. 453–456; Бекаревич Н.М. Курганные раскопки в Костромской губ. // Труды I Областного археологического съезда (Ярославль) М., 1902. С. 38–40; Бекаревич Н.М. О некоторых городищах в Костромской губ. // Там же. 1902. С. 125–129.

далеко не выяснена, но можно с положительностью сказать заранее, что это не та бедная находками славянская культура русских колонистов, известная уже мне по раскопкам Чуркинского могильника близ г. Балахны.

И[мператорская] Археологическая Комиссия, обыкновенно, не раскапывает всех могил какой-нибудь определенной группы, а ограничивается только частью, достаточной для характеристики данного могильника.

Для нас же представляется научно необходимым вскрыть все могилы такого кладбища и желательно было бы даже фиксировать наиболее типичное погребение.

Принимая во внимание все расходы, сопряженные с этим, в зависимости, конечно, и от всех других условий раскопки, я не могу обещать, что от суммы в триста рублей, ассигнуемой Музеем Этнографии останется еще достаточно для раскопки городища: для последних потребуется план и, следовательно, помощь специалиста, и работы более трудные, чем раскопка могильника.

Мне лично было бы очень жаль не раскопать городища, культура коих в Ветлужском крае в высокой степени для меня интересна, так как заключает в себе много данных, указывающих на связь Балахинского неолита именно с этой, еще загадочной для нас культурой. Но в виду ошибок предшествовавших копальщиков, мало обращавших внимание на устройство очажных ям и на возможность существования культурных наслоений, я считаю новую работу по раскопке городища весьма ответственной и сложной, и мог бы взять на себя этот труд только при наличности особой для того суммы, примерно, в двести рублей.

Конечно, если по каким-нибудь причинам от этих раскопок останутся еще свободные деньги, эти последние я мог бы использовать для приобретения случайных находок у местных жителей и на разведки по каменной веку, строго соблюдая интересы дорогого для меня теперь Музея Этнографии и Антропологии.

Примите уважение в искреннейшем уважении и горячей преданности Вам
Вл. Каменский

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 58. Л. 259–260 об. Автограф.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Письмо Л.Я. Штернбергу³. 24.07.1908 г.

г. Ветлуга
Костромской губ.
Номера В.И. Чиркина.
24/VII

Многоуважаемый Лев Яковлевич!

Вопреки моему ожиданию мне приходится копать городища; и вот по какому случаю. В то время, когда в г. Ветлуге мы с Н.Н.Виноградовым обсуждали план

³ Штернберг Лев (Хаим-Лейб) Яковлевич (1861–1927) — российский и советский этнограф, член-корреспондент АН СССР (1924). Профессор Петроградского университета (1918). С 1901 г. работал в Музее этнографии и антропологии. О нем см.: Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М.: Наука, 1975.

наших действий, к нам подъехал студент С.-Петербургского Университета, некий г. Ефименко⁴.

Как оказалось, последний был командирован Музеем Александра III-го раскапывать черемисские могилы для целей этнографических, а от Университета г. Ефименко было дано 100 р. с тем, чтобы он для Музея Университета⁵ доставил фиксированный костяк. Таким образом, мы встретились как конкуренты и нам предстояло: или работать вместе в Тоншаевской волости, потому что самые надежные и интересные могильники находятся там или разделить поле деятельности и предоставить ему копать могильники у с. Тоншаева, а самому ограничиться раскопкой городища.

В виду того, что г-ну Ефименко было ассигновано вдвое больше средств чем мне, я не рискнул вступить с ним в конкуренцию и остался при р. Ветлуге.

Раскопка первого городища, «Чортога», находящаяся от г. Ветлуги в 8 верстах при очень тщательной работе с грохотами дает очень мало существенного, кроме действительно чортовой уймы черепков, совсем грубых, без узоров и без ушков, но с загадочными дырочками у горлышка сосуда и по середине. Примесь к глине исключительно дресва (куски кварца, пол. шпата и сланца). Из вещей попалась часть железной кольчуги, жел. наконечник стрелы лавролистной формы, жел. шило и ножик, перстень сломанный и пр. Попадаются и глиняные ковшички для плавления металла и отливания его в формы, глиняная погремушка и еще какие-то удивительные кубики и кирпичики из глины со значками на манер игральных косточек или домино.

В конце моей раскопки попался и человеческий костяк при очень странной форме погребения. Точильный камень был расколот на три части и положен в ногах и с боков, при углях и черепках от сосудов. Нижние кости, положенные прямо на С.-С.З. оказались укороченными, без следов от ступней. От черепа остались только крошки. Весь костяк, положенный мелко (3/4 аршина от поверхности земли) закопан уплотненной глиной. Кости очень плохой сохранности.

Не знаю, продолжать ли здесь раскопки. Не лучше ли переехать в г. Варнавин к Богородскому городищу, где раскопки обещают хорошо вознаградить за труды. Буду ждать ответа Вашего до первых чисел августа в г. Ветлуге. Я стою в номерах В.И. Чиркина.

Искренно Вас уважающий Вл. Каменский.

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 58. Л. 321–322 об. Автограф.

⁴ Ефименко Петр Петрович (1884–1969) — выдающийся русский и советский археолог, исследователь палеолита. С 1906 по 1912 г. учился на естественном разряде (кафедра географии и этнографии) физико-математического факультета Петербургского университета, ученик Ф.К. Волкова. В 1908 г. при содействии Ф.К. Волкова получил командировку от Этнографического отдела Музея императора Александра III в Костромскую губернию для раскопок черемисских могильников. О нем см.: Бибиков С.Н. Петр Петрович Ефименко. К столетию со дня рождения // Советская археология. 1984. № 4. С. 287–290; Борисковский П.И. Петр Петрович Ефименко: воспоминания ученика // Советская археология. 1989. № 3. С. 253–259; Формозов А.А. О Петре Петровиче Ефименко (Материалы к биографии) // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 3. М., 2002. С. 72–127.

⁵ Имеется в виду кабинет географии и антропологии. См.: Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб., 2003. С. 117–125.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Письмо Л.Я. Штернбергу. 4.08.1908 г.

г. Ветлуга
номера В. И. Чиркина
4 авг. 1908

Многоуважаемый Лев Яковлевич!

Благодарю Вас за присланные деньги (жалованье за два месяца), которые мне были спешно нужны для продолжения раскопок на «Чортовом городище». Я, было, уж хотел совсем бросать начатую здесь работу, не ожидая ничего особенного встретить здесь дальше, как вдруг является ко мне староста д. Морозихи и заявляет о находке медных вещей (фибула, браслет и спиральный перстень) и бус в виде беленьких шашечек. На следующий же день, отправились на место раскопки, я убедился в справедливости сказанного: кладоискатели рылись без меня в обресе, сделанном мною накануне в кургановидной насыпи.

Приобрел раскопанные крестьянами вещи за 2 р., я стал продолжать свою раскопку и вскоре натолкнулся на человеческие кости, захороненные в странном беспорядке в южном боку городищенского вала. Костяки лежали так, что ноги каждого касались головы другого; причем один лежал ничком головою на Ю-В., а другой боком головою на С.-З., а ногами несколько восточнее головы первого. Поперек их были наброшены разрозненные части третьего скелета без черепа; искрошенные остатки последнего встречались потом в насыпи. Кости все были захоронены на песке глиной, сильно перемешанной углем, осколками очажных камней и битой глиняной посудой.

Вещи были найдены в следующем порядке. Четверти на две от головы первого лежала серебряная фибула у обломка протянутой руки; тут же, пониже, на чистом песке в кучке лежали: большая связка бус (одна сердоликовая), четыре серебряных кольца, соединенные неразрывно вместе, и простой медный браслет. У второго черепа лежала железная трехгранная стрелка, а немного подалее и поглубже железный боевой топор и ножик.

У меня имеются два человеческих черепа, оказавшиеся длинноголовыми. При дальнейшей раскопке я все ожидал встретить еще погребения или, по крайней мере, одно центральное правильное. Но больше погребений не встречалось, а вместо них на глубине 2 метр. 79 см. оказался слой пепла с кухонными остатками и костяными изделиями типа вятских костеносных городищ.

А слева, то есть к Западу, — глубокая черная яма с массой шлаков и кусками сильно прожженной глины.

Находки стали ясно распределяться так: в верхних слоях — железные, медные, глиняные вещи; в нижних — костеные (стреляя, вязальная игла, шило и пр.) и черепки с примесью раковин.

Много у меня также костей животных, главным образом лося, лошади, коровы, свиньи и разных хищников; попались два обломка раковин в самом нижнем пепельном слою.

В погоне за вещами погребений, а может быть и за кладом арабских монет, который безусловно мог оказаться захороненным где-нибудь в насыпи вала или на площади городища и я, и крестьяне самовольно изрыли порядочно земли.

О городище везде в окрестности ходят баснословные предания о скрытых в нем богатствах в связи с деятельностью разбойников, колдунов и волшебниц. Не даром и самое название городища — Чортово.

От рабочих не было отбою; приходилось последние дни прибегать к помощи урядника. Средства мои теперь иссякли; но городище далеко еще не может считаться разработанным, так как размеры его — 100 × 300 шагов — и условия разработки требуют еще большего количества денег и труда.

Но для музея, я думаю, достаточно на этот раз. Хотелось бы мне очень, однако покопать еще в другом месте; не на Богородском городище, откуда у меня имеется небольшая коллекция орнаментированных черепков и вещиц, а в местности, прозываемой «Чинибечиха». Находится она на луговой стороне р. Ветлуги, в 23 верстах к северу от города. Там, по преданию был некогда монастырь, разрушенные разбойниками, есть в озере спущенный клад и описание этого места; но главным образом чем особенно привлекательна для нас эта местность, там есть очень древний могильник черемисский и разрушенное черемисское городище.

По слухам и, как кажется, даже по печатным известиям о древнем монастыре, можно думать, что Чинибечиха на р. Какше была в древности одним из главных опорных пунктов Черемис в их завоевательном нашествии с юга на Вятку. Следовательно раскопка могильника могла бы пролить яркий свет в деле распознавания древнейшей черемисской культуры и на ту сторону вопроса, кому принадлежали блестящие металлические вещи, бусы и топоры, которые я Вам теперь посылаю из раскопок на Чортовом городище.

Старинный способ захоронения описанных мною костяков указывает на происшедшую здесь некогда катастрофу, но будет ли то простой пожар жилища или неприятельское уничтожение его *ferro ignique*?

Вот вопрос, который, я думаю, можно было разрешить раскопками. Если надумаете поручить мне эту работу, соблаговолите прислать депешу, что Вы согласны и деньги высылаете переводом. Тогда, на основании этой депеши, я немедленно же приступлю к приготовлениям для фиксирования картины погребения самой раскопки в Чинибечихе. В противном случае, я через неделю надеюсь быть уже в Петербурге.

Всегда искренно готовый к услугам В. Каменский

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 58. Л. 339–342 об. Автограф.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Письмо Л.Я. Штернбергу. 10.08.1908 г.

г. Ветлуга
номера В.И. Чиркина
10/VIII

Многоуважаемый Лев Яковлевич!

Молчание Ваше говорит мне, что надо расстаться с мыслью раскапывать «Черемисское кладбище». Но должен Вас предупредить, что со стороны Музея Этнографии это будет большой промах и притом в руку Музею Александра III. Ефименко уже вернулся из Тоншаева, центра современного черемисского населения и про-

следовал дальше на Москву и Чернигов. По его словам, он копал очень мало. Костяки оказывались слишком разрушенными, чтобы их фиксировать и заключать в гробницы. Он их просто бросал на месте раскопки, и это вполне подтверждает г. Виноградов⁶ и г. Кларк (фотограф-любитель).

Вещи при костяках, обыкновенно были такие же, какие с большим успехом можно было бы купить у живого черемисского населения, которое к слову сказать, очень охотно и дешево продает свои старинные наряды, заменяя новыми, русскими. В виду этого и г. Виноградов и г. Ефименко накопили их в громадном количестве. Виноградов, между прочим, говорил, что черемисы Тоншаевской волости во многом отличаются от своих вятско-казанских сородичей как по языку, так и по обычаям и о костюмам.

На основании таких сведений мне думается, что не худо бы покопаться около Чинибечи. По моим исследованиям, там, на урочище, прозываемом «Черемисское кладбище» находятся человеческие кости и при них различные вещи, как-то: ножи, медные цепочки, привески, котлы, ожерелья, какие-то монеты и кокошники с остатками золотых украшений. Могил — множество, но многие из них уже изрыты.

Мои раскопки, или вернее, мои последние успехи пробудили страсти местных кладоискателей. Обедневшее и оскудевшее крестьянство Ветлужского уезда с жадностью хватается за мысль откопать что-нибудь за какой-нибудь грош, необходимый в хозяйстве.

И таким образом эти голодные хищники могут погубить последние остатки вымершей местной черемисской культуры, и науке грозит утрата ценного материала для решения палео-этнографической проблемы.

Ко всему этому прибавлю, что у меня теперь есть возможность произвести успешно предстоящую раскопку так как имею в наличии все необходимые приспособления и даже ящик для костяка с выдвижным дном особого устройства, заказанный мною еще в С.-Петербурге. Неужели же мне придется везти его обратно пустым?

На днях получил от Бруно Федоровича⁷ инструкцию, полученную им из Берлина, «как обращаться со скелетами и сохранять их». Для антропологических измерений можно было бы пригласить местного врача г. Малыгина.

Искренне уважающий Вас Вл. Каменский

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 58. Л. 343–344 об. Автограф.

⁶ См. сноску 1.

⁷ Адлер Бруно Федорович (1874–1942) этнограф, музеевед. С 1902 г. сотрудник Музея антропологии и этнографии, с 1910 г. хранитель этнографического отдела Русского музея. С 1911 г. профессор, зав. каф. географии Казанского ун-та. См. о нем: Решетов А.М. [Адлер Бруно: этнограф, музеевед, уроженец г. Воронежа] // Российская музейная энциклопедия: В 2 т. / Редкол.: В. Л. Янин [и др.]. М., 2001. Т. I: А–М. С. 19–20.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Письмо Б.Ф. Адлеру. 11.08.1908 г.

г. Ветлуга
Костром. губ. номера
В.И. Чиркина
11/VIII 08

Дорогой Бруно Федорович!

Не писал я Вам так долго потому, что находился несколько в расстроенном состоянии духа. Странное впечатление произвел на меня Н. Н. Виноградов. Когда мы с ним встретились в городе Ветлуге, он мне заявил, что карту с указанием мест, подлежащих раскопки, он потерял где-то на пути, но полагался все таки на меня, что я в беседе с Спицыным⁸ сам мог себе составить план маршрута и вести дело раскопки самостоятельно.

Об этой самостоятельности я ни слова не говорил с ним в Петербурге; напротив, я утверждаю, что без него копать не стану и вполне надеюсь на его помощь, как ближайшего своего сотрудника.

А Спицын, в беседе со мной, действительно указывал мне пункты интересные в археологическом отношении и советовал покопать городища и особенно у с. Богородского, и очень сожалел, что копать городище я отказываюсь за недостатком средств. На могильники, богатые вещами, Спицын указывал мне в бассейне р. Пижмы поближе к Вятской границе и даже предлагал выслать открытый лист на право производства раскопок в Вятской губернии, если я подумаю покопать в соседнем Яранском уезде (там есть один древний черемисский могильник).

Ввиду того, что Н. Н. отказывался мне указать надежный черемисский могильник где-нибудь поближе, я уже почти решил ехать в Тоншаевскую волость, населенную почти сплошь черемисами. Затруднялся я немножко в том только, что переезд за 100—200 верст на лошадях обойдется очень дорого: я вез с собою из Петербурга большой ящик с выдвижным дном и длинным стальным ножом для подрезания почвы. Не получив еще от Вас инструкции из Берлина я придумал особого рода фиксаж из раствора сосновой смолы с бензином.

Везти два пуда бензина в деревню, где так возможно по чьей-нибудь неосторожности сделать пожар и натворить черт знает что, — значило брать на себя громадную обузу. И вот в то время когда я раздумывал, приезжает, как снег на голову, студент, некий г. Ефименко, получивший от музея Александра III рублей 500 на производство раскопок в Костромской губ. и непременно черемисских могильников, и кроме того, от Университета ему было выдано 100 р. и поручено привезти одно зафиксированное черемисское погребение!

Можете представить наше положение. Ефименко предлагал копать совместно. Н. Н. предлагал, в случае чего, разделиться: одному выбрать Север, около с. Одуш-

⁸ Спицын Александр Андреевич (1858—1931) выдающийся русский, советский археолог, член-корреспондент АН СССР (1927), приват-доцент (1909), профессор (с 1918) Петроградского университета, сотрудник Императорской Археологической комиссии (1892). О нем см.: История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР профессора А.А.Спицына. СПб., 2008; Тихонов И.Л. Деятельность А.А. Спицына в Санкт-Петербурге (1892—1931)// Российская археология. 2009. № 3. С. 138—147.

нур, другому — юг, около села Ошминского. Но помня Ваши слова о конкуренции, я просто решил уступить черемисские могильники и всю Топшаевскую волость г. Ефименко, а сам принялся обследовать городища по р. Ветлуге и ее притокам, оставаясь верным сыном чисто археологическим принципам. Действовал я так решительно потому, что из разговоров с г. Ефименко, я убедился, что поручение от Университета ему исполнить не удастся (он ехал налегке, без всяких приспособлений).

Мое предложение блестящим образом оправдалось, на возвратном своем пути из Топшаева г. Ефименко поведал мне, что копал немного, т.к. могильники содержали вещи приблизительно такие же, какие можно было купить у современных черемисов, а кости были такой плохой сохранности, что нечего было и думать о фиксации их. По словам Н.Н. и г. Кларка — фотографа-любителя, г. Ефименко обращался со скелетами крайне небрежно и никаких антропологических измерений не производил. Большую часть командированных денег он употребил на покупку этнографического материала и скупал много и дешево.

Теперь я один из всех моих коллег остаюсь еще в городе Ветлуге. Своими раскопками я не удовлетворен, хотя мне посчастливилось выкопать редкие вещи, а некоторые так совершенно неожиданные. Напр., костяные орудия типа вятских костеносных городищ, изданных Спицыным, а затем бусы, бронзовые, серебряные и железные вещи [находились обыкновенно при погребениях в курганах] и 2 длинноголовых черепа. Интересны тоже глиняные плиточки с каким-то таинственными знаками (неопределенного назначения) и глиняные погремушки. Любопытно их сопоставить с такими же погремушками Дьякова городища. Аналогичными типу Дьякова городища будут и некоторые черепки т. наз. «сетчатого» или текстильного орнамента. Последних у меня немного с «Чортова городища» сравнительно с количеством их, собранных мною с городища у села Богородского, где я успел все-таки побывать. За 4—5 каких-нибудь часов раскопки я собрал там изрядное количество орнаментированных черепков с примесью раковины и «текстильных» с примесью дресвы (непременно). Я их не посылаю, потому, что на почте отказываются отправлять их даром и мне выгоднее привезти их с собою, но если «текстильные» Вам нужны спешно, я их отберу и отправлю на Ваше имя в Академию.

Много у меня костей животных из слоя, богатого разными кухонными отбросами. Очень любопытен слой пепельный с костями животных, рыб, раковинами и черепками, на глубине 2 метров 79 см. от поверхности земли. Я захватил образец его.

«Чортово» городище еще далеко не все раскопано. Мне одному с ним не совладать; но в моих раскопках оно уже представлено в существенных чертах.

Загадочными являются вещи, найденные около человеческих длинноголовых скелетов, захороненные в странном беспорядке, bout-ci, bout-la. Я послал эти вещи в Академию и прошу еще денег на раскопку древнего черемисского могильника. Необходимо его раскопать теперь, когда это еще не поздно и стоит будет гораздо дешево. Прошу ходатайства Вашего.

Искренно преданный Вам душою

В. Каменский

Прочтите для ясности мои письма к Л.Я. Штернбергу

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 58. Л. 345—348 об. Автограф.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Письмо Л.Я. Штернбергу. 25.08.1908 г.

г. Ветлуга
Номера В.И. Чиркина
25 августа 1908 г.

Многоуважаемый Лев Яковлевич!

Хотя я и обещался, в случае Вашего отказа, вернуться в Петербург, но бросить дело недоделанным мне было тяжело. Я решился прибегнуть к частным средствам; и благодаря любезности моей тети и дяди, я имел возможность завершить свою экскурсию в Ветлужский край раскопкой «Черемисского кладбища». Копал, впрочем, недолго и немного: всего три дня с 8 рабочими; но раскопка вышла удачной, и мною собрана небольшая, но любопытная коллекция топоров, наконечников, копий и стрел, медных браслетов, перстней, привесок с бубенчиками и спиральных серебряных тонких колец и перстней, остатки меховой и шерстяной одежды и кожаных ремней с наборами (медными и серебряными). Есть разрушенный медный котел и остатки железного котла, глиняные путцы и четырехгранные бруски из опочного камня, очень напоминающие те глиняные, которые я прислал Вам.

Обряд погребения, обычный здесь, трупосожжение, но в последний день я напал на следы простого погребения, очевидно, нарушенного кладоискателями. Чашка черепа и верхние кости рук лежали в разбросанном виде, в стороне от основного погребения, давшего очень хорошие результаты: покойник, по-видимому, лежал в вытянутом положении, ногами на юг, с руками, сложенными у таза. На каждом пальце было по перстню, а на руке 9 медных браслета; на ногах ремешок, а около ступней по две хорошеньких привески на цепочках с гусиными лапками и спиральками. У ног — топор железный и глиняный. Череп — брахицефала — я захватил с собой.

Обряд трупосожжения, поэтому, мне кажется вторичным обрядом огневого очищения покойника. У нижегородской мордвы или черемис, как я слышал, существует такой способ [*слово неразборчиво*] покойника. К сожалению, на этом кладбище прежде, еще лет 20 так назад, — и больше —, копали смольё и множество могил повредили и ограбили. С тех пор так это место и прозывают «Черемисское кладбище». Копали, конечно, плохо, по-мужицки, по приемам мародерства, да и то грубого, бестолкового.

К моему счастью, однако, мне удалось найти одну мелкую серебряную монетку, как будто нерусскую и другую побольше — арабскую.

Вещи, в общем, имеют близкое сходство с вещами Лядинского и Томниковского могильников Тамбовской губ., хотя, конечно, не вполне.

Всего лучшего!

Ваш В. Каменский

(Приписано с боку): Фиксировать погребения не пришлось. Антропологические измерения сделать и подавно не удалось.

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 58. Л. 351—352 об. Автограф.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Письмо В.В. Радлову. 5.07.1910 г.

Кокпекты
5 июля 1910 г.

Глубокоуважаемый Василий Васильевич

После долины Койтас Арчалинской волости, о которой я Вам писал, раскопка производилась мною на участке Александра Дмитриевича Шайтанова (бывшего сепаратиста), близ г. Усть-Каменогорска. Там оказалась каменная статуя монгольского типа, интересная тем, что в руках, опущенных к низу, она держит сосуд. Эту статую я решил взять и оправить в Музей, для чего был мною заказан в городе особый ящик, в котором, надеюсь, эта статуя дойдет без поломок; вес ее с ящиком 31 п. 30 ф.

Курганы там имели вид уже раскопанных, кроме одной, осыпанной камнями, могилы. Я ее раскопал, — оказалось конное, очень неглубокое, вероятно, зимнее погребение. Из вещей: железные наконечники стрел, удела и медная пряжка. Железно очень ржавое, разрушается от прикосновения.

Недалеко от Шайтановского участка, в долине речки Кара-Узё(о)к мы встретили группу курганов и могил, обложенных кругами из белых камней. Раскопка двух из них показала, что они — типа Койтасских и давно уже ограблены и тщательно снова засыпаны с ряда в соблюдением обряда в одном случае простого, в другом — трупосожжения. Мною взяты: кальцинированные косточки человека и обломки почти целого горшка с великолепным древним орнаментом, состоящим из меандра и треугольников в том их порядке, в каком они наблюдаются на плетенных корзинах сев.-американских племен. — Эти могилы очень меня интересуют и я приложу все свои старания к тому, чтобы найти целое нетронутое и богатое погребение этого типа.

В настоящее время я нахожусь в Кокпектах⁹ по дороге на Сергиополь¹⁰, где буду копать со студентом Бобковым.

С совершенной преданностью к Вам
В. Каменский

СПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 62. Л. 31–32. Автограф.

⁹ Кокпекты — в то время город в Семипалатинской области, Зайсанском уезде, на реке Кокпекты, впадающей в озеро Нор-Зайсан.

¹⁰ Сергиополь — город в Семиреченской области, Лепсинском уезде, на реке Аягузе.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

Письмо В.В.Радлову. 21.10.1908 г.

Семипалатинск
21/X/1910

Глубокоуважаемый Василий Васильевич

Имея удовольствие сообщить Вам, что первые шаги мои по пути исследования семипалатинских древностей имеют в результате уже одну небольшую коллекцию неолитических предметов из кремня и глины и кроме того каменный пест, такая же лопатка и бронзовый наконечник стрелы новой для нас формы. — Сегодня смело надеюсь, что эта коллекция увеличится еще благодаря содействию городского учителя рисования В. Н. Белослюдова. Этот тот учитель, которого рекомендовал нам, еще будучи в С.-Петербурге Александр Владимирович Миронов. Учитель Белослюдов оказался очень симпатичным человеком и большим любителем археологии. У него есть небольшая коллекция разных древностей, хранимых в удивительном порядке, это поистине «музейный» человек. С ним мы живо сошлись, и я завербовал его в качестве члена сотрудника. Вчера ходили с ним по выдувным котловинам семипалатинских дюн (верстах в 7 от города) и собрали там вышеописанные древности. Сегодня Василий Тимофеевич Нехорошев попробует там свои силы по бусольной съемке плана местности. Словом за дело взялись с места.

В город Барнаул раздумываю ехать так скоро, как предполагал. Эту поездку нужно будет отложить по крайней мере на месяц. Деньги у меня расходуются сильно благодаря тактике г. Пилетича, пригласившего сверх сметы еще двух студентов-гидротехников, работающих в Семипалатинском уезде. Им приходится выдать 200 рублей на раскопки.

Область, в которой они будут работать, чрезвычайно богата разнообразными памятниками старины и будет жаль, если у нас не хватит денег их обследовать. Но это дело будущего, конечно.

В городе Семипалатинске пробуду около недели.

Глубоко уважающий Вас и преданным Вам

Вл. Каменский

Прошу передать мой привет всем присутствующим в Музее.

СПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 60. Л. 50–51. Автограф.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

Письмо С.Ф. Ольденбургу. 19.06.1909 г.

Сергиополь. 19 июня 09.

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Доехал я благополучно, если не считать небольшой возни с правым задним колесом у телеги. Прибыл в Сергиополь в 9 ч. утра. Ночевал едучи в открытом тарантасе, и вследствие этого слегка простужен, но настроение бодрое. Через час или два отправляюсь в Чугучак¹¹.

О впечатлениях не пишу, поделюсь потом. Доблестным спутникам нашим шлю привет.

Преданный Вам
В. Каменский

СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 250. Л. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

Письмо С.Ф. Ольденбургу. 27.05.1910 г.

Семипалатинск Контора Бр. Каменских 27/V.1910

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

При осмотре Семипалатинского музея, мне бросился в глаза один сосуд глиняный с надписью *intaglio*. Мне кажется, что надпись эта могла бы остановить Ваше внимание, почему я и позволил себе снять с нее эстампаж и направить его к Вам. Смею надеяться, что Вы не оставите без внимания моего письма и как-нибудь, при случае, быть может и сообщите мне Ваш отзыв.

Прошу принять искреннейшее пожелание всего лучшего
В. Каменский

СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 250. Л. 2. Автограф.

¹¹ Чугучак (Тачэн) — город в Северо-Западном Китае, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Расположен в южных предгорьях хребта Тарбагата, вблизи границы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

Письмо С.Ф. Ольденбургу. 17.03.1911 г.

17/III.1911

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Посылаю вам вещи для сравнения из кургана Акмолинской области и сообщаю, что кол-ция А. Шренка¹² (доктора из Дерпта-Юрьева) приобретена Академией в 1856 г. По местонахождению предметы принадлежат Киргизской степи, Алтайскому округу и Джунгарии. Так что эта вещь, которая нас интересует, может быть и из Джунгарии.

С совершенной преданностью

В. Каменский

СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 250. Л. 3. Автограф.

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

Письмо С.Ф. Ольденбургу. 4.04.1911 г.

4.IV.11

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Самуил Мартынович¹³ готовится на этих днях фотографировать некоторые вещи нашего Музея, и было бы очень хорошо воспользоваться случаем сделать для Вас фотографический снимок с того золотого украшения из коллекции А. Шренка, которое я Вам принес для определения.

Самуил Мартынович мог бы и зарисовать этот предмет для изданий к Вашей статье. Конечно, если это только Вы пожелаете.

Вещи доверяю получить служителю Григорию Кондратьеву.

Всегда готовый к услугам Вашим.

В Каменский

СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 250. Л. 4. Автограф.

¹² Александр Иванович Шренк (Александр Густав фон Шренк) (1816–1876) — путешественник, доцент минералогии Дерптского университета. В 1840–1843 гг. путешествовал по Джунгарии и Киргиз-кайсацкой степи.

¹³ Дудин Самуил Мартынович (1863–1929) — художник, путешественник, этнограф, археолог, музейный работник, фотограф, исследователь искусства народов Востока. С 1895 г. сотрудничал с Музеем антропологии и этнографии, Императорской археологической комиссией, Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Принимал участие в этнографических экспедициях в Монголию, Китай и Туркестан. О нем см.: Сборник МАЭ. 1930. Т. 9. С. 341–358; Длужневская Г.В. Фотографы Императорской Археологической комиссии // Археологические вести. Вып. 14. СПб., 2007. С. 248–249.

ПРИЛОЖЕНИЕ 13

Письмо С.Ф. Ольденбургу. 18.10.1911 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Ввиду того, что мне поручено выставить и как можно скорее, коллекции М.М.Березовского в тех шкафах, которые я освободил для нее от средне-азиатской керамики, обращаюсь к Вам с почтительнейшей просьбой не отказать в уступке нам хранящихся у Вас вещей той же коллекции, если, конечно, Вы найдете это в данной время для Вас возможным.

Необходимо регистрировать и составить хотя бы простой список вещей коллекции М.М., чем теперь мне и приходится заниматься. Очень был бы обязан Вам за указания, в которых нуждаюсь в деле распланировки данных вещей в выставочных шкафах.

С глубоким уважением к Вам

Вл. Каменский

СП. 18/Х.11.

СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 250. Л. 5 — 5 об. Автограф.

ПРИЛОЖЕНИЕ 14

Заявление в Императорскую Археологическую комиссию. 21.04.1903 г.

В Императорскую Археологическую комиссию

Потомственного почетного гражданина

Владимира Ивановича Каменского

Заявление

Желая летом нынешнего года заняться археологическими расследованиями в пределах Балахнинского уезда Нижегородской губ., имею честь покорнейше просить Императорскую Археологическую Комиссию не отказать выдать мне Открытый лист на производство раскопок в означенной мною выше местности.

В.Каменский

Санкт-Петербург апреля 21 1903

Адрес мой: С.Петербург Екатерининский канал, д. 81 кв. 20.

Резолюция на письме: Заслушано Императорской Археологической Комиссией в заседании — Выдать открытый лист

РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1903 г. Д. 78. Л. 1. Автограф.

ПРИЛОЖЕНИЕ 15

№ 15. Отчет В.И. Каменского о раскопках 1903 г.

Дюны Балахнинского уезда
 Дневник раскопок 1903 г.
 «Панские бугры»

В течение минувшего лета 1903 г. я был почти исключительно занят осуществлением одной интересной, но чрезвычайно трудно исполнимой задачи, которую задал мне в виде напутствия А.А. Спицын. Задача эта заключалась в том, чтобы собрать и склеить по возможности целый сосуд из глиняных черепков, в изобилии находящихся на некоторых из дюн Балахнинского уезда*. Трудность этого предприятия главным образом состоит в том, что на стоянках вообще при подавляющей массе битой посуды, черепки от одного какого-нибудь сосуда лежат обыкновенно, разбросанными по всей стоянке, а на Панских буграх они залегают нередко на глубине, колеблющейся между 3-мя и 23-мя вершками. При этом нельзя не заметить, что черепки, лежащие в верхнем покрове белого песку, часто такой плохой сохранности, что решительно в дело не годятся. Вот почему нужно иметь особенное счастье напасть на такое место, где бы все делимые одного целого сосуда залежали бы уединенно и на достаточной глубине. Попытать свое счастье я и поехал минувшей весной.

Я прибыл в Балахну в первых числах мая и тотчас отправился на место исследования. Мне не стоило большого труда распознать те разрушенные края холмов, которые дали мне в 1902 году известные уже результаты. Черный слой песку под тонким покровом дерна, в местах естественных обрывов, ясно указывал, где именно следовало ожидать находок и начинать раскопку. Пригласив рабочего, я сделал пробу и действительно нашел новые места залегания черепков; но почвенная влага, была еще настолько значительна, что размягченные черепки легко и неизбежно разрушались, при самом осторожном извлечении их из почвы. Пропустив недели две хорошей сухой погоды, я снова принялся за работу. Песчаный грунт был уже достаточно сух, и мне являлась возможность вести раскопку в более или менее надлежащем порядке. Но прежде чем описывать последовательный ход работ, позволю себе еще раз сказать несколько слов о характере данной местности. Она представляет значительно расширенную к Югу долину р. Волги, заключенную между высокими линиями древних берегов. Чем южнее, тем шире становится эта долина, крайним пределом которой является р. Ока со своим высоким правым берегом. По гипотезе проф. Докучаева¹⁴ Ока впадала первоначально в Волгу много севернее своего современного устья, примерно, около д. Воняты. Следовательно, можно предположить то время, когда Ока, направляясь прямо к цели, шла к Северу, смывала нагорье Жар и свои приточными водами нажимала на Волгу, оттесняя ее к востоку и заставляя обтекать высокие стены плоскогорья, где возвышается теперь село Никольский Погост. Но с течением времени, подмывая свой правый берег и не встречая по пути никаких препятствий, Ока стала постепенно отступать к Ю.-В., освобождая путь Волге, которая в свою очередь, не встречая препятствий, все сильнее устремляется

* Образцы таких черепков были представлены мною при отчете 1902 года и помещены в V томе Зап. Рус. Отд. Императорского Арх. Общ. (См. XVII XVIII табл.)

¹⁴ Докучаев Василий Васильевич (1846—1903) — известный геолог и почвовед, основатель русской школы почвоведения, на рубеже 1870—1880-х годов занимался и археологическими исследованиями. Об этом см.: Паничкина М.З. Мезолитическая стоянка Борки (по исследованиям В.В. Докучаева)// МИА. № 2. М.; Л., 1941. С. 149.

к правому берегу. История г. Балахны служит этому живым свидетельством. В писцово́й книге XVII ст., составленной по наказу царя Алексея Михайловича дьяконом Парфением Сомовым, значится, что город Балахна расположен по р. Нетече — она же и Железница, — что впала в Волгу при оз. Бабье. В дальнейшем описании городских владений есть, между прочим, интересные указания на существование соляных варниц или «Труб» в тех местах, которые вошли теперь в состав главного русла реки. Волга каждый год все ближе подступает к городу и, размывая берег, обнажает то там, то здесь трубы от заброшенных теперь в Балахне, но в свое время знаменитых солеварниц. От озера Бабья в настоящее время не осталось ясных следов, быть может потому, что сама речка Нетеча обратилась в ряд небольших болотистых озерков. Речка Нетеча, кроме своего характерного названия, любопытна еще в том отношении что идет вдоль т. наз. второй надлуговой террасы или вторых берегов Волги, более древних, чем современные. По всей вероятности, Нетеча есть не что иное, как старица, в роде тех длинных озер, которые видны у Никольского погоста или у Большого Козина, где одна такая старица расположена вдоль вторых берегов Волги. Последние, в этом случае, представляют собою дюнную цепь, версты в 3 длиною почти сплошь покрытую углистым культурным слоем с невообразимой массой черепков и кремневых осколков. Приняв на веру Докучаевскую гипотезу, нужно допустить, что Волга не раз меняла направление своего главного русла. Первоначально и в эпоху историческую она держалась ближе к левому нагорному берегу, но в эпоху заселения холмов первобытным человеком, Волга протекала, очевидно, вдоль этих самых «вторых берегов», следовательно, еще западнее современного нам течения и ближе к местам становищ. Таким образом, есть основания предполагать, что в ту отдаленную от нас эпоху, когда закончились здесь озерноречные образования и на них начинал селиться человек, долина Волги в окрестностях г. Балахны представляла, приблизительно, такую же картину, какую представляет долина р. Оки в окрестностях г. Муром. При взгляде на карты той и другой долины, находим в них много общих черт. Та же расширенность общей формы, так же «возвышен левый берег, а правый, напротив того, — луговой, низменный и большею частью заливной». И здесь, как и там «среди заливной долины существуют песчаные холмы, являющиеся в половодье, во время разлива реки, островами. Некоторые из этих холмов донныне служат местами жительства для человека, настроившего на них большей или меньшей величины деревеньки. На тех же холмах находятся и следы пребывания древних доисторических обитателей, людей каменного века». Так что, продолжая словами И.С. Полякова¹⁵ «можно было бы сказать, что указанное нами расширенное пространство в долине Волги есть остаток древнего озерного бассейна, а песчаные холмы служившие местопребыванием первобытному человеку, суть дюнные образования этого теперь исчезнувшего водоема»*.

Такое сближение внешних условий быта или обстановки, в которой мы застаем первобытных обитателей заливных долин Оки и Волги, находит себе почву и при дальнейшем, более подробном знакомстве с характером быта тех и других. Своим местоположением Балахнинское становище напоминает Волосовское. Оно находится на длинной дюнной гряде, проходящей по правому берегу речки Железницы. Не доходя до устья речки, эта дюнная гряда, загибает к югу, проходит по городу

¹⁵ Поляков Иван Семенович (1845–1887) — зоолог, антрополог, этнограф, археолог, хранитель Зоологического музея АН. О нем см.: Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России. М., 1983.

* И. Поляков. Исследования по каменному веку в Олонецкой губ., в долине Оки и на верховьях Волги. С.П.Б. 1881. С. 81–81.

Балахне, где постепенно понижаясь, обращается в низину. Вся указанная часть города носит у жителей название «Бор», по причине стоявшего здесь в былое время соснового леса. На старом плане городских угодий 1786 года, составл. при генеральном межевании, здесь показан лес, от которого остались теперь только следу, в виде небольших групп то молодых, то старых сосен. Замечательно, что старые сосны, отдельно стоящие за городским кладбищем на буграх другой гряды, идущей почти параллельно Панским, носят тоже типическое название «Панских». Название это, в связи с преданием, что здесь стояли лагерем поляки в эпоху «Смутного времени», многих соблазняло. Кое-где произведены были раскопки, не давшие конечно, никаких результатов, кроме разве того, что на смежных холмах оказался такой же характерный углисто-культурный покров, какой встречается на «Бору», на Панских буграх. Эпитет «Панской» по всей вероятности, происходит здесь не от польского пана, а от черемисского*. Вызывая в народном представлении понятие о какой-то чуждой, нехристианской старине, он является синонимом чего-то языческого, поганого. Один из Балахнинских бугров известны под именем «Висельной горки», где по преданию казнили преступников через повешение, а в местах моих раскопок нередко встречались ямы со свежими еще костями павшего скота (лошади, коровы, поросенка). Но наряду с этим наблюдаются явления и противоположного характера. Старообрядцы, например, охотно избирают для своего вечного упокоения места, освященные преданием. В 200-х шагах от обследованной мною стоянки один изолированный бугор занят старообрядческим кладбищем (г. Волкова). По другую сторону стоянки, почти на таком же расстоянии есть родничок, у которого еще недавно, на памяти нестарых людей, стоял деревянные крест с массой навешанных на нем медных крестиков. Жители приходили сюда больные лихорадкой (в уезде многие страдают малярией); напившись воды из родника, они снимали с себя крестик и, в надежде получить исцеление, навешивали его на деревянный крест. Теперь на этом заброшенном месте виднеется небольшая канавка, прорытая, по-видимому, исследователями почвы. Здесь искали глину, находимую повсюду в окрестностях, в более или менее низких местах. Она проходит од почвой довольно мощным слоем и составляет основание дюнных холмов. Судя по широким искусственным разрезам их в сев.-вост. конце гряды, Панские бугры имеют приблизительно следующее строение: на глинистом грунте залегает довольно крупный кварцевый песок желтовато-серой окраски, покрытый тонким слоем мелкой окатанной гальки. На этом песке покоится крепкий пласт серого илистого, очень уплотненного песку (вершка 2 толщ.) — очевидно, прослойка речных отложений*. Пласт этот, иногда очень высоко поднимающийся над уровнем воды, как крепкая броня, облегает холмы, предохраняя их от разрушения. Поверх его лежит более желтый и менее крупный песок с тонкими прожилками /1/4—1 сантимет./ такого же песку, только гуще окрашенного. В низах прожилки утолщаются и местами переходят в какие-то ржавые сгустки или желваки. Эта прожилистость яснее наблюдается по скатам холмов, бывших первоначально, как мне думается, более крупными и лишь позднее ставших пологими.

На этом-то верхнем слое песку и находятся следы первобытной культуры, выражающейся здесь, как и вообще на дюнах России, ярко-черной окраской грунта, т. наз. культурный слой. Вследствие искусственного обнажения почвы, из него выдувается ветром масса обломков глиняной посуды и осколки кремней, между которыми попадаются орудия оббитые и шлифованные.

* Ср.: А.Г. Теплоухов. О доисторич. жертвенных местах на Уральских горах. Записки Урал. Общ. люб. естествозн. Т. VI. Вып. 1

* Ср.: Дюны их образование, развитие и внутреннее строение. СПб., 1884. С. 165.

Все эти остатки занесены обыкновенно белым сыпучим песком, заполняющим собою мелкие рытвины и углубления. Поверх белого песка виднеются следы сгоревшего бора — сосновый уголь, лежащий непосредственно под покровом hutus'a (5—10 вв.), иногда тонким слоем, иногда грудями от сгоревшего пня. Верхний, дерновой покров не везде одинаковой толщины; в низких и пологих местах он толще и растительность на нем гуще. Но чем место круче, тем больше на нем песчаных обнажений и трава нередко заменяется мохом и лишаями.

В сев.-вост. конце гряды сделано несколько больших и глубоких пролетов, когда брали песок для нужд города. Здесь-то впервые обнаружился культурный слой; но здесь у него оттенок серый, пепелистый и он представляет более плотную массу; черепки, выдуваемые из него, хорошо обожжены, и посуда, очевидно, была сделана на гончарном кругу; других черепков, более древних, не замечается. Но в песке под этим слоем много кремневых осколков и попадаются прекрасно оббитые кремневые орудия. Ср. № 1282 на Табл. 17 — наконечник копья, найденный в песке мешанином гор. Балахны, А. Лапиным. Кроме указанных вещей в этом конце гряды вследствие близости к городу, встречается немалое количество разных отбросов: битое стекло, шлака, кирпич изразец и пр. Среди костей домашних животных изредка выпадают из культурного слоя кости человеческие. По словам того же А. Лапина, года два назад, когда он игрался с товарищами, бросаясь с горы в осыпной песок, вместе с куском обвалившейся земли выпал человеческий череп, хорошей сохранности, чрезвычайно большой и белый. Череп был тогда же закопан ими в песке, но все наши попытки отыскать его там остались без успеха. В очертаниях культурного слоя здесь незаметно ям; слой идет в верхней части холма довольно ровной лентой около 1 фута шириной.

В нескольких сто шагов отсюда по направлению к Ю.-З. и в 35 шагах от исследуемой мною стоянки, на самой вершине хребта есть небольшой, искусственно сделанный прорыв. Ветер с большой силой выдувает из него желтый песок. В стенках порыва ясно виден культурный слой, имеющий здесь только в верхней части и то не всегда пепелисто-серый оттенок; внизу же, особенно в углублениях ям, слой этот ярко черный, богатый органическими остатками. Осколков кремня попадаетеся больше и черепки исключительно доисторической эпохи, типов, описанных г. Высоцким*. Этот пункт по всему вероятно, и был описан проф. Докучаевым**. Здесь он находил во множестве черепки и орудия. Здесь же мною в разное время были найдены № 1110, 320, 339, 353, 354, 358, 360, 851, 977, 1009 1012 и 1026. Между ними нож из серого с зеленоватым оттенком кремня; формы вогнутой; двускатный; один скат имеет (л. 12 об.) поверхность желвака, другой заканчивается острым лезвием; одна сторона отретуширована. Табл. 9 № 723.

В 35-ти шагах от только что описанного прорыва существует другой, образовавшийся недавно, вследствие того, что это место сделалось проходным; здесь идет тропа к речке. Со стороны, открытой к городу, где подъем сравнительно меньше, обнажен только верхний белый песок, изобилующий миниатюрными осколками кремневых скребков и ножицков (lates). Вместе с тем здесь встречаются и черепки от современных гончарных изделий. Около них валяются куски красного кирпича, а весною минувшего года здесь оказались промытыми разрушенные кости человека. Как потом выяснилось, на этом месте был прежде пасека.

* См.: А. Штукенберг и Н. Высоцкий. Труды Общ. естествоисп. при Имп. Казан. универ. Т. XIV. Вып. 5.

** В отчет Нижегород. земству 1887 г. — Балахн. уезд.

Перевалив по ту сторону гряды, спускаешься в небольшую ложбину (площ. ее пригл. = 35×46 шаг.), образованную от слияния двух холмов и лежащую довольно высоко над заливной долиной (около 2 саж. выс.). Она защищена с Ю.-З. массивом хребта в виде неполного полуцирка, так что в середине последнего есть небольшой выем, а концы составляют вершины двух холмов. По прямой, соединяющей эти концы, проходит тропинка, ниже ее лежит проселочная дорога, а еще ниже — пойма и речка. Местность, открывающаяся по Сю сторону гряды, резко меняется; крупно и сильно опускаясь, она идет сплошной лесистой низиной вплоть до нагорья Жар, которое отлично видно отсюда, если встать повыше. Речка Железница, широко разливающаяся весной, в летнее время отступает от прежней своей береговой линии, образуя таким образом между старым и новым берегом некоторое пространство болотистого, поемного луга. Ширина его перед описываемой нами ложбиной достигает 60—70 шагов. Береговая стена бугров, как местность придорожная, не могла избежать деформации и с каждым годом все более разрушается, Небольшие обвалы на выходной стороне ложбины обнаружили присутствие здесь углисто-культурного слоя с залежами битой глиняной посуды.

Первое открытие их сделали городски мальчики, ходившие на речку купаться. «Плоские камни», как они называли черепки, скоро были пущены в дело; бросать их в воду «блинчиками» стало с тех пор любимой забавой маленьких варваров, и по их словам, они раскидали их изрядное количество. Рассматривая образцы кремневых орудий, которые я им показывал впоследствии, при раскопках, мальчики равнодушно замечали, что и такие попадались им в руки, но уцелели лишь те немногие, которые припрятавались матерями, как «громовые стрелы». Под этим именем мне доводилось видеть у баб всевозможные виды орудий, не только оббитых, но и шлифованных (напр., тесла). Мною приобретены у одной старушки кремневый топор (coup de poing) табл. 17 № 1283 красивой миндалевидной формы эпохи конца ее развития (типа Солютрэ). Затем оббитый клин из желтого кремня со скошенным острием (ib. № 1290).

Раскопка 1903 года началась с того самого обнажившегося места, где в августе прошедшего года я собрал уже изданное небольшое количество разных черепков. В виду того, что культурный слой первоначально залегал непосредственно под ковром травы, так что черепки нередко заплетались в корнях ее, — работа была очень несложной и ограничивалась сниманием дерна и сбором черепков. Культурный слой имеет здесь постоянно одинаковую, черную окраску и содержит в себе, кроме органических остатков и очень мелких обожженных костей, много камней (большею частью все мелкий голышник) и осколков от них, как бесформенных, так и в виде обделанных орудий. С первых же дней мне посчастливилось обнаружить целую грудку однородных черепков, между которыми попались и толстые стенки круглого дна и части верхнего края. Черепки лежали на расстоянии 1 фунта от поверхности земли в чистом желтом песке, недалеко от углистой очажной ямы. Черепки, в общем, средней толщины (0,007 м у отверстия) темной глины с небольшой примесью кусочков кварца; обжиг плохой, неполный; сравнительно лучше обожжена нижняя часть сосуда; узор сплошной; состоит из неправильных рядов конических ямочек, нанесенных довольно небрежно от руки по сырому еще сосуду хорошо очиненным орудием. На широком, слабо выраженном венчике со слегка отвороченным краем, в том месте, где проходит последнее кольцо ямочного узора, это кольцо сверху и снизу сопровождают слабые неровные линии, как бы оттиснутые тонкой бичевой — кромка узора. У каждой ямочки на обратной стороне черепков есть соответствующая выпуклость, где местами заметны следы эпидермы от паль-

цев, придерживавших сосуд; местами же выпуклые части стенки отвалились, вероятно, от времени. Собрав все эти черепки в отдельную корзину, я отвез их для склейки. Я провозился над ними очень долго, что-то около 2 месяцев, но склеить всего сосуда мне не удалось; многих черепков не хватало. Впоследствии их все вновь перклеил и заполнил недостающие части склейщик фарфора в С.-Петербурге г. Батиев. Сосуд получился редкой формы, из типа котлов с широким отверстием и круглым, постепенно суживающимся к низу дном, что делает его походим на греческую амфору, у которой срезана верхняя часть. Замечательно, что совершенно такой же формы сосуда были найдены при раскопках гг. Моргана, Петри и Амелино в окрестностях селений Negadah, Toukh и Ballas*. Близок по форме к нему сосуд, добытый кн. П.А.Путятиным¹⁶ на берегу Бологовского озера и представленный им на выставку VIII археологического съезда в Ярославле. Только дно у последнего более округло и узор не тот. По свидетельству гр. Уваровой¹⁷, много подобного рода сосудов хранится в музее Урал. Общ. люб. естествознания в Екатеринбурге**.

В последующие дни раскопка производилась в том же порядке снимался дерн и отбрасывался; вслед за ним начал показываться белый песок, дававший интересные осколки кремня в виде узких, продолговатых пластинок, часто со следами вторичной обивки или ретуши и принимающих форму ножей, скребков и острых наконечников, характеризующих эпоху Мадлэн***.

За белым песком следовал желтый песок, загрязненный или густо окрашенный углем и перегноем в черный цвет. Последний шел очень неправильно; местами пропадавал совершенно, местами же тянулся на довольно большое расстояние, всегда отмечая собою очажные ямы, которые и заполнялись им доверху. Ямы эти — разной величины: от 6—16 верш. глубиной; шириной от 10 верш. и больше. Нередко ямы соединялись между собою, увеличивая тем пространство сплошного углистого слоя. В них встречались иногда камни, сравнительно большей величины, густо покрытые черною пылью и иногда расколотые. Подтверждением тому, что ямы эти очажные, а не погребальные, может послужить то обстоятельство, что они никогда не имеют формы специально вырытой ямы; форма их, наоборот, как бы сама собой образовалась. Черепки и орудия, чередуясь с камнями (в целых желваках и обломках) встречались решительно во всей сфере верхнего слоя песка независимо от его окраски, не находилось их только в слое humus'a, который в тех случаях, когда заполнял собою рытвины, достигал иногда 10 верш., обыкновенная же мощность его = 2—3 верш. Чем дальше шла раскопка, тем глубже залегал культурный углистый слой, так что к концу моих раскопок, зашедших немного за пределы центра, слой, покрывавший углистый и отдалявшийся от последнего резкой чертой, достигал 1 арш. Это наво-

* L' Antropologie. 1897. См. рус. статью о том же: Д. Анучин. Каменный век и доисторическое население Египта по новейшим исследованиям. Археол. Изв. и Заметки. 1898. № 3—4.

¹⁶ Князь Путятин Павел Арсеньевич (1837—1919) — археолог, коллекционер. О нем см.: Мельников В.Л. Князь Павел Арсеньевич Путятин и его бологовская усадьба. СПб.; Вышний Волочёк, 2000.

¹⁷ Графиня Уварова Прасковья Сергеевна (1840—1924) — супруга основателя Московского археологического общества А.С. Уварова, после его смерти возглавившая МАО. О ней см.: Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М, 2005.

** См. статью гр. Уваровой: Областные музеи. ТРУДЫ VIII археолог. съезда в Ярославле. Т. VI. 1887. С. 261.

*** См.: Le prehistoriqu. J. et A de Mortillet, рис. 40 и в моей коллекции № 95, Т. 2. Сопоставляя орудия из моей коллекции с орудиями палеолитическими, я далек от мысли уравнивать эпохи, их создавшие, я имею в виду только лишь преемственность типов, обладающих, как известно, удивительным свойством живучести.

дит на мысль, что площадь стоянки в момент ее обитания не была такой покатой, как теперь; она была ровнее и лежала ниже, а осыпавшийся массив хребта, ее защищающий с востока, естественно поднимался выше.

«Большое Козино» и др.

Кроме Панских бугров я обследовал тем же летом другое становище, указанное проф. Докучаевым у с. Большого Козина в местности, известной под названием «Кудрявой сосны». Она находится на почтовом тракте в 20-ти верстах от Нижнего Новгорода и в 19 вер. от Балахны. Местность представляет вторую надлуговую террасу с развитыми дюнными образованиями наверху и длинным озером, или старицей, у подножия. Дюны почти совершенно обнажены и светлеют издали желтыми пятнами. Выдувая песок, ветер обнаруживает здесь, как и на Панских буграх, культурный углистый слой, во множестве горшечные обломки и пр. Вековое спокойствие этих дюн, уже скрывавших в себе древнейшие остатки человеческой культуры, было нарушено, очевидно, со времен колонизации русскими этой стороны. Большая дорога от Нижнего на Кострому и Суздаль проходила по описываемой нами надлуговой террасе Волги и неизбежно должна была тревожить Козинские бугры. С увеличением населения и расширением большой дороги пешеходными тропинками бугры, естественно, пострадали еще больше; и теперь, проезжая и проходя по этой местности, можно наблюдать большие выдувные пространства, кое-где окрашенные в темный цвет, с лежащими на них горами мелко избитых черепков. Наезжая время от времени сюда, я обыкновенно, просто подбирал лежащие сверху мелкие кремневые орудия (больших не встречал) и горшечные обломки, покрытые глубоким нажимным узором. Предлагаемые мною образцы могут свидетельствовать об их близком родстве с изделиями балахнинской стоянки. Так что пока не представляется сомнений в том, что балахнинские и козинские дюны населялись одновременно племенами, принадлежащими к одной и той же культурной группе (табл. 19в и 16).

Отлагая подробное описание найденных мною предметов до следующей более значительной коллекции, какую я имею в виду составить ближайшим летом, укажу еще кое-какие пункты в окрестностях Балахны, останавливающие внимание археолога.

Верстах в двух от д. Пыры* есть местечко, носящее название «Медведиха», оно принадлежит церкви Рождества Христова в Балахне. Соприкасаясь на западной стороне с дюнной грядой, это местечко со всех сторон окружено низиной. Но выходясь над ней, оно представляет землю удобную для пашни (суглинок), что и навело священника на мысль расчистить его для этой цели. При мотыжении кулиги, лет 7—8 тому назад, крестьяне в нескольких местах нашли груды камней. Думая, что это клад, они стали рыть глубже, но не найдя желаемой кубышки с золотом, они в досаде перешвыряли все эти камни, между которыми были, по их ловам, и обделанные в виде «молоточков». Лишь один, взятый ими, как курьез, сохранился случайно и, после 8-летней службы у крестьянина, попал ко мне (№ 1292. Табл. 17).

Все эти сведения сообщил лесник, проживающий в д. Лукиной, Иван Иванович Романов. В виду тех колебаний и уклончивости, с которыми делались сообщения не одного только Романова, но и всех лиц, так или иначе знавших об этой находке, у меня возникает сомнение, не встретились ли здесь вместе с «молоточками» какие-либо иные предметы, сопровождавшие неолитическое погребение? К моему огорчению и досаде, обследовать, как должно, это интересное местечко мне не удалось.

* Деревня Пыра лежит на Ю.-З. от г. Балахны, верстах в 5—6.

По указанию того же лесника Романова я ездил с ним в 82-й участок казенной лесной дачи, отстоящей верст на 6, если не больше, к запад от села Б. Козина. Место очень глухое, бугристое и болотистое. Невдалеке протекает речка Пыра. Здесь так же на одной, сравнительно, невысокой дюне, с трех сторон окруженной болотом, оказались черепки с нажимным узором и кусочки отбивных кремней. Форма дюны искажена 4-х угольной «зноюльной» ямой*, каких здесь в лесу встречается бесчисленное множество. Яма очень старая; на е валах уже успели вырасти почти столетие сосны. Черепки были обнаружены во время порубки леса дровяниками в стенках ямы, которую они утилизировали для жилища. Кроме черепков (табл. 20. № 1348) в песке попадались куски шлака и плохо обработанного железа.

Дожливая погода и недостаток свободного времени заставили меня отложить дальнейшие изыскания.

Указанные пункты в достаточной мере свидетельствуют о значительной населенности этого района в эпоху неолитическую. Тут повсеместно: в лесах, на дорогах (в «колесниках») в пахотной земле, в выдувных котловинах, находят признаки существования доисторической культуры, достигшей здесь, судя о некоторым находкам, высокого процветания. Наконечник копья за № 1284 на таблице 17-ой представляет значительный образец совершенства техники. Он был найден на бугре в лесу одной девочкой¹⁸ у д. Трестяны. Так же в лесу у д. Шурловой найдена мною оригинальная поделка из белого кремня в форме треугольника (ib. № 1289). И такого рода находки нередки в пределах Балахнинского уезда.

Вл. Каменский

РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1903 г. Д. 78. Л. 6–18. Автограф.

ПРИЛОЖЕНИЕ 16

Письмо В.И. Каменского в Императорскую Археологическую комиссию. 5.08.1905 г.

Бологое. 5 августа 1905

Имею честь доложить Вашему Сиятельству¹⁹, что осмотрев раскопку, произведенную крестьянами в дер. Маньшиной, я ничего достойного внимания археолога не нашел. Вместо ожидаемых свайных построек или каких-либо видов первобытных жилищ я мог констатировать только техническое сооружение недавних сравнительно лет и во всяком случае не жилое, а сделанное, очевидно, с целью укрепления берега от размыва его подпочвенной водой, образующее в данной местности просто трясину [местность эта слывет под именем Ручейны; она находится на левом берегу реки Вазузы возле самой дер. Маньшиной, в 9 верстах от уездного гор. Сычевки, вниз по реке, против села Соколина — Устья Никольского].

* Угольный промысел до сих пор процветает в уезде.

¹⁸ Катей Калининой

¹⁹ Граф Алексей Александрович Бобринской (1853–1927) — председатель Императорской Археологической комиссии с 1886 по 1918 г. О нем см.: Тихонов И.Л. Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А.А. Бобринской // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб., 2003. С. 95–117.

Сооружение, отрытое крестьянами, состоит из елового сруба длиной в 8 саж. 2 арш. 6 верш., шириною в 2 арш. 4 в. и высотой приблизительно в 4 обыкновенных бревна. Весь сруб разделен на 7 почти равных частей в виде закровов и имеет по концам под прямым углом продолжения в одну стенку той же высоты; длина этих боковых стенок, врезающихся в высокий берег реки равна 8 арш. и 6 С в. Сруб действительно сделан без посредства пилы, одним топором (железным), в лапу; но это обстоятельство не может служить признаком особой древности постройки, так как рубленные избы и теперь еще встречаются здесь. Сруб без свай и фундамента лежит прямо на материалы, представляющем здесь валунную ледниковую глину бурого цвета — материал, из которого сложены возвышенные берега р. Вазузы. Все сооружение покрыто сверху черной перегнойной землей, смешанной с глиной. Между вторым и третьим закромам копальщики нашли печку, сложенную в три стенки [по три кирпича в каждый] с заплечиками. Кирпичи современной формы, большею частью — простой сырец. Внутри печки найдены зола и угли, а в насыпи встречались черепки битой посуды (недавней) и кости домашних животных, по всей видимости павших, так как не носят характера разрубленных. Когда я приехал, печка была уже разрушена по приказанию г. станового пристава, который всеми мерами старался прекратить раскопку и потушить страсти, начавшие разгораться в среде крестьян по поводу этой раскопки. Дело в том, что в самом начале раскопки, еще на Пасхе, одна маньшинская крестьянка по имени Евгения Ивановна Шендрикова увидела вещий сон, повторявшийся несколько раз в ночь и предсказавший, что в 7 шагах от берега будут найдены 7 дерев и на втором 7 зарубок; под деревьями будет гроб, а под гробом — дубы, которых не достать — так глубоко они залегают. Лицо вешавшее требовало копать и найти гроб и за это обещало благополучие всей деревне. Когда найдены были первые 7 бревен и на втором бревне действительно семь зарубок*, вся деревня взволновалась. Во время обеда и отдыха копавших, ушедших с места раскопок, девочки, игравшие по близости, принесли небольшую деревянную икону, будто бы ими найденную на месте раскопки.

Икона оказалась Живоносного Источника, весьма подходившая по данному моменту. Икону сейчас же водрузили на святом месте, и молва о новой явленной иконе разнеслась по окрестности. Отовсюду начал стекаться народ на поклонение, и в скором времени дер. Маньшина стала местом настоящего паломничества; в день Вознесения, напр. сюда стеклось до пяти тысяч богомольцев. Вся эта масса страждущих и жаждающих движения воды охотно жертвовала свои деньги на постройку часовни, и вскоре кружка, повешенная под образ, уже не вмещала в себе всей пожертвованной суммы. Появление кружки и неизбежный беспорядок из-за нее в среде крестьян повели к тому, что икону при большом неудовольствии крестьян у них отобрали и вместе с кружкой передали священнику села Соколина. Движение паломничества стало затихать, но раскопка продолжалась, и в земле стали попадаться такие вещи, как восковая свеча и деревянное масло в пузырьке. Все это разжигало крестьян; несколько раз они обращались к священнику с просьбой об исходатайствовании им права произвести раскопку и выстроить часовню на этом священном для них месте. Ходатайства отца Николая увенчались успехом и от Святейшего Синода было получено разрешение произвести раскопку, если со стороны гражданской власти не будет к тому препятствия на средства, явившиеся от пожертвования — 268 р. 35 коп. Заведывание делами по раскопке было поручено церковному старосте Ивану Терентьеву. Таким образом, свих денег на раскопку в дер. Маньшиной мне тратить не пришлось, о чем и имею удовольствие сообщить Вашему Сиятельству.

* Они лежали особняком от сруба, кот. отстоит от берега в 7 сажнях.

Пользуясь случаем побывать в Смоленской губ., я делал разведки по каменному веку в ближайших окрестностях г. Сычевки и с. Сокулина. На самом месте раскопки и в огороде деревни Маньшиной мною подобрано 3 кремня со следами обивки — скребки. В одной версте расстояния от с. Соколино в полях д. Устья крестьяне выпахивают оббитые кремни; мною куплено у старосты несколько обломков ножей и скребков и один хороший экземпляр длинного скребка в виде узкой ножевидной пластинки (черный кремень). Кроме того староста Ив. Терентьев обещал мне прислать наконечники стрел, найденные там же. м почвы в д. Устье — те же, что и в Маньшине и на всех ближайших берегах р. Вазузы и правого притока ее Качни, то есть — валунная ледниковая глина. Ввиду этого здесь довольно развито гончарство и есть обычай складывать печи прямо из сырой глины, нарезанной кирпичами, без промазки известью; сложенные таким образом печи, по мнению крестьян, более прочны, чем обыкновенные.

Относительно курганов я получил довольно скудные сведения. Их как будто бы нет в уезде. Останавливают внимание след. места: «Могильники» на берегу р. Качни недалеко от ее устья (у дер. Устья) — род высокого, в сажени три длинного кургана 40x80 шагов; «Городок» близ дер. Совики — часть очень возвышенного берега р. Вазузы, отделенная глубоким рвом от соседних полей. Он представляет вид горба, поросшего лесом и изрытого ямами. С «Городком» связаны легендарные предания; существует какая-то записка, с которой приезжал из Москвы один кладоискатель и просил у крестьян разрешения покопать; но крестьяне ему не дали и сами стали копать. Разрыв, по их словам, одну сопочку, они нашли склеп, в нем — истлевший дубовый гроб и мелкие косточки без вещей; остальные попытки их не имели результатов. Осмотрев часть обвалившегося берега, я мог констатировать довольно мощный культурный слой, из которого имею черепок со всеми признаками древности: хрупкий, с примесью крупной дресвы и нажимным орнаментом. Раскопки в этом месте я не производил.

Теперь я нахожусь в гостях у князя Павла Арсеньевича Путятина, с которым вместе произвожу раскопки на его знаменитом мысу. Я занят неолитической стоянкой, а князь довольно успешно копает бугор, где довольно глубоко под красной валунной глиной залегает лёсс, с несомненной ясностью определенный гг. Рюто (A. Rutot) и Штудером, известным Бернским зоологом, исследовавшим череп найденной недалеко отсюда собаки (Species Putiatini). В одном раскопанном месте бугра на глубине несколько более сажени найдены пока след.: кремневые вещи: большой треугольной формы клин с обивкой острия по двум противоположным плоскостям, несколько скребков, из которых выделяется один маленький, круглый, очень красивой формы, затем острия и предположительно наконечники стрел (существование последних многими признаются в древние палеолитические эпохи). Что касается меня, то и мне посчастливилось найти очень редкую вещь в раскопках русских стоянок каменного века, это — маленький кусочек кости или раковины (?) с нарезным орнаментом древнего типа. Обо всех этих находках князь П.А. Путятин имеет намерение сделать сообщение в Pergneux на ожидаемом Congres Prehistorique.

Вот все, что я считаю не лишним сообщить Вашему Сиятельству.

Примите уверения в самом искреннем уважении и преданности Вам.

Влад. Каменский

P.S. Князь просит передать Вам свой сердечный привет

РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1905 г. Д. 98. Л. 18–23. Автограф

ПРИЛОЖЕНИЕ 17

Письмо В.В.Радлова в Императорскую Археологическую комиссию 12.04.1910 г.

М.И.Д.

Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии

12 апреля 1910 г.

В ИАК

Состоящий под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Русский Комитет, командируя текущим летом Владимира Ивановича Каменского в Семипалатинскую область для производства раскопок, имеет честь покорнейше просить Императорскую Археологическую Комиссию выдать ему бессрочный Открытый лист для работ в означенной области.

Председатель действительный тайный советник Академик В. Радлов

Секретарь Л. Штернберг

На письме резолюция карандашом: Можно, но не бессрочный, а на год, по обыкновению.

РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1908. Д. 25. Л. 9. Автограф.

ПРИЛОЖЕНИЕ 18

Прошение В.И. Каменского директору Санкт-Петербургского археологического института. 18.09.1902 г.

Его Превосходительству

Господину директору

Императорского Археологического института

Потомственного почетного гражданина

Владимира Ивановича Каменского

Прошение

Прилагая при сем свидетельство за № 480, от Демидовского Юридического лица, в том что я, Владимир Иванович Каменский, по аттестату зрелости Московской частной гимназии Поливанова в 1893 г. принят был на историко-филологический факультет Московского университета, а в 1895 г. перешел в число студентов сего Лицея, но испытаниям никаким не подвергался, и по прошению своему уволен, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о включении меня в число вольнослушателей Императорского Археологического института.

Владимир Каменский

С.-Петербург, сентября 18, 1902 г.

Приписка: свидетельство Демидовского юридического лица за № 480 получено обратно в марте 1910 г. В. Каменский.

Сверху листа, от руки: № 914. рекоменд. Орешникова (?), Сизова, Сулова. 19 сентября 1902 г.

ЦГИА СПб. Ф. 119. Д. 127. Ч. 1. Л. 12. Автограф

ПРИЛОЖЕНИЕ 19

Таблица поступлений археологических предметов и коллекций
в МАЭ в 1905–1917 гг.²⁰

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1905	952	Черепя из раскопок г. Брауна	Мелитопольский уезд		ИАК
1905	898	Черепя и погребальные предметы из раскопок г. Грена	Окрестности Пятигорска	19	ИАК
1905	925	Археологические предметы: изразцы, посуда, предметы культа и пр., приобретенные В.В. Бартольдод	Самарканд	104	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии
1905	936	Черепя	Керчь		ИАК
1905	950	Черепя	Харьк. и Воронеж. губ.	7	ИАК
1905	963	Археологические предметы	Долина Огайо	22	От Американского музея естеств.
1905	967	Археологическая керамика. Собрано худ. Дудиным на ср-ва г. Александра	Туркестан	300	
1906	989	Археологические предметы из землянок Чуди	Архангельская губ.	5	От А.В. Журавского
1906	996	Археологические предметы	Муромский у. Владимирской губ.		От А.В. Григорьева
1906	998	Археологические предметы	Нижегородская, Владимирская губ.	69	От А.В. Григорьева
1906	999	Археологические предметы из раскопок В.В. Бартольда на Афрасиабе	Самарканд		ИАК
1906	1000	Археологические предметы из раскопок В.И. Каменского в 1903–1904 гг.	Балахна	3	ИАК
1906	1001	Археологические предметы из Юрбурга	Ковенская губ.	3	От Зоологического музея

²⁰ Таблица составлена по опубликованным «Отчетам о деятельности Императорской Академии наук» за 1905–1917 гг. В отчетах до 1905 г. подробные сведения о поступлениях не указывались.

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1906	1005	Неолитическая керамика и каменные орудия из раскопок близ Балахны	Нижегород. Губ.	814	От В.И. Каменского
1906	1006	Деформированный череп из могильника близ Гурзуфа	Крым	1	ИАК
1906	1007	Остатки скелетов из раскопок г. Смирнова 1902 г.	Клинский у. Московской губ.	2	ИАК
1906	1008	Череп из раскопок 1890 г. кургана XI в.	Черниговская губ.	4	ИАК
1906	1009	Предметы из стоянки каменного века из окрестностей Пензы	Пензенская губ.	8	ИАК
1906	1010	Медные предметы из раскопок В.А. Анучина 1903 г.	Енисейская губ.	110	ИАК
1906	1014	Неолитическая керамика из Балахны	Нижегородская губ.	Не регистр.	От В.И. Каменского
1906	1016	Археологические предметы	Могилевская губ.	46	От А.В. Григорьева
1906	1019	Череп	Демянский у. Новгородской губ.	4	От Д.Т. Яновича
1906	1022	Археологические предметы	Тверская губ.	144	От Д.Т. Яновича
1906	1032	Археологические предметы		Не регистр.	Из старых кол. Геолог. музея
1906	1054	Черепки из раскопок в Самарканде	Самарканд	400	От художника С.М. Дудина
1906	1078	Керамика и каменные орудия из раскопок близ г. Балахны	Нижегород. губ.	Не регистр.	От В.И. Каменского
1907	1083	Археологические предметы (керамика) из Самарканда	Самарканд	447	От М.В. Столярова
1907	1093	Археологическое собрание		300	ИРГО
1907	1107	Якутский нуклеус	Якутия	1	От В.Н. Васильева
1907	1111	Сартские изразцы (археология)		11	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии через И.А. Беляева

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1907	1114	Черепки из курганов и русского городища	Мглинский у. Черниговской губ.	3	ИАК
1907	1126	Черепки из раскопок	Волчанский у. Харьковской губ.	15	ИАК
1907	1127	Черепки из раскопок	Глазовский у. Вятской губ.	10	ИАК
1907	1128	Черепки, материи и археол. предметы из раскопок	Кубанская обл., Мощевая балка	500	От Н.И. Воробьева
1907	1129	Черепки из раскопок	Вышневолоцк. у. Тверской губ.	4	От А.А. Баталина
1907	1131	Каменные неолитические орудия		10	От Национального музея в Копенгагене
1907	1158	Каменные топоры		4	От И.П. Толмачева
1907	1161	Черепки Смоленских кривичей	Смоленская губ.	10	ИАК
1907	1162	Черепки из кургана	Поречский у.	1	ИАК
1907	1163	Черепки из раскопок	Глазовский у. Могилевской губ.	3 ящика	ИАК
1907	1169	Каменные скребки и наконечники стрел	Большеземельская тундра	121	От А.В. Журавского
1907	1179	Костяк и черепки	Тверская губ.	1	От К.Ф. Жакова
1907	1183	Неолитические черепки		3	От А.А. Спицына
1907	1184	Неолитические черепки и кремневые орудия	Архангельская губ.	839	От А.В. Журавского
1908	1200	Черепки	Туруханский край	7	
1908	1229	Деформированные черепки из Керчи	Крым	2	От Е.Р. Запорожского
1908	1232	Неолитическая керамика и каменные орудия		17	От Римско-Германского музея в Майнце
1908	1247	Остатки костяков	Херсонская губ.		ИАК
1908	1248	Керамика и мозаика из Афрасиаба		887	От Г. Столярова
1908	1249	Греческая керамика и бронза		17	От С.А. Таренцкой
1908	1258	Обсидиановый наконечник копья		1	От Геологич. музея АН

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1908	1259	Неолит, бронза, костяные орудия и фигуры		29	От И.Т. Савенкова
1908	1260	Бронзовые и железные предметы		1005	ИАК
1908	1261	Фигурный камень		1	От И.П. Толмачева
1908	1262	Медная секира и кремневое долото от г. Бернштейна		3	От А.С. Лаппо-Данилевского
1908	1263	Бронзовый нож		1	От академика Ф. Чернышева
1908	1264	Бронзовые и железные предметы (коллекция графини Воронцовой-Дашковой)		1249	ИАК
1908	1265	Археологические предметы из раскопок В.И. Каменского		Свыше 2000	Регистрируется
1908	1267	Железные, бронзовые и каменные вещи		14	ИАК
1908	1284	Глиняные сосуды из раскопок близ г. Елисаветполя	г. Елисаветполь	13	ИАК
1908	1285	Древний череп из могильника	Ярославский у.	1	ИАК
1908	1286	Каменные неолитические орудия		30	От князя П.А. Путятина
1908	1293	Неолитические предметы из свайных построек	Швейцария	575	От д-ра Леман-Ничше
1908	1294	Неолит	Япония	131	ИРГО через А.В. Григорьева
1908	1295	Неолит из раскопок Полякова	Япония и Сахалин		ИРГО
1908	1296	Вещи из курганов (раскопки Баталина)		14	ИАК
1908	1298	Бронза, медь и железо		70	Из коллекции Государя Императора
1908	1300	Археологические предметы (коллекция Малахова)		В регистрации	
1908	1301	Каменные орудия	о-в Рюген	10	Из старых коллекций
1908	1302	Археология		3	Из старых коллекций

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1908	1303	Каменные молотки из вендских могил		2	Из старых коллекций
1908	1304	Каменный топор		1	Из старых коллекций
1908	1305	Каменный топор		1	Из старых коллекций
1908	1309	Остяцкие черепа		2	От В.И. Анучина
1908	1331	Палеолитические каменные орудия	Франция	В регистрации	От Ф.К. Волкова
1908	1332	Керамика	Самарканд	В регистрации	От С.М. Дудина
1909	1356	Череп		8	ИАК
1909	1357	Череп	Черниговская губ.	1	ИАК
1909	1358	Череп		1	От С.М. Дудина
1909	1365	Предметы из неолитической стоянки	Иркутская губ.	124	От директора Иркутской магнитной обсерватории г. Вознесенского
1909	1369	Каменные орудия и сосуды из коллекции А.В. Фрича	Бразилия	99	От Л.М. Скидельского
1909	1370	Каменные орудия и черепа из доисторической пампы (из коллекции А.В. Фрича)		247	От Л.М. Скидельского
1909	1383	Археологические предметы из раскопок Пемпелли		115	ИАК
1909	1384	Археологические предметы и кости из раскопок Тарасова	Вятская губ.	Около 1000 предм.	ИАК
1909	1386	Археологические предметы		В регистрации	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии через М.М. Березовского
1909	1392	Каменные орудия (из коллекции А.В. Фрича)	Аргентина	27	От Л.М. Скидельского
1909	1404	Чудские древности (из коллекции Сидорова)	Пермская губ.	11	ИГО
1909	1405	Каменный топор-молот со сверлиной		1	От Г. Гамеля

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1909	1406	Каменный пест (из старинных коллекций)		1	От А. Желез- нова
1909	1411	Костяки из античного некрополя	Ольвия	20	ИАК
1909	1415	Череп и предметы из могильников (раскопки г. Репникова 1908 г.)		143	ИАК
1909	1423	Археологические предметы	Мексика	16	От г-жи Адель Братон
1909	1430	Археологические предметы		В реги- страции	От Н.Н. Крот- кова через АН
1909	1434	Археология и предметы быта инородцев	Енисейская губ.	25	От П.А. Першетского
1909	1435	Каменный клин	Нижегородская губ.	1	ИАК
1909	1436	Предметы из раскопок	Двинский у.	21	ИАК
1909	1437	Предметы из раскопок	Ковенская губ.	16	ИАК
1909	1438	Предметы из раскопок	Симбирская губ.	11	ИАК
1909	1441	Сверлильный каменный топор	Окрестности г. Николаева	1	ИРГО
1909	1442	Каменный сверлильный молоток	Рязанская губ.	1	ИРГО
1909	1443	Каменный (диоритовый) топор-молот	Ковенская губ.	1	ИРГО
1909	1444	Каменное точило с отверстием	Костромская губ.	1	ИРГО
1909	1445	Каменные клинья	Рязанская губ.	2	ИРГО
1909	1447	Каменный пест	Рязанская губ.	1	ИРГО
1909	1448	Медный нож и бритвы (раскопки г. Степанова)	Костромская губ.	4	ИРГО
1909	1449	Каменные орудия		4	От А.В. Григо- рьева через ИРГО
1909	1450	Медные конские удила (археология)	Окрестности Красноярска	1	ИРГО
1909	1451	Медный серп (археология)	Самарская губ.	1	ИРГО
1909	1453	Железный наконечник копья (археология)	Сухум	1	ИРГО
1909	1455	Железные наконечники стрел	Астраханская губ.	4	ИРГО

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1909	1457	Дюнная стоянка	Архангельская губ.	190	От А.В. Журавского
1909	1462	Кости животных (раскопки А.А. Адрианова)	Тепсейская пещера	12	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии
1909	1463	Золотые вещи из раскопок г. Козырева	Акмолинская обл.	11	
1909	1481	Археология и керамика	Буэнос-Айрес	105	От Антропол. музея Национального ун-та
1909	1484	Обломки черепов и черепки из раскопок профессора Платонова		9	ИАК
1909	1491	Вещи из раскопок г. Козырева	Акмолинская обл.	7	ИАК
1910	1515	Археологические предметы из раскопок Н.М. Печенкина		217	ИАК
1910	1516	Археологические предметы		68	ИАК
1910	1519	Археологические предметы из разных мест		24	ИАК
1910	1520	Археологические предметы	Семипалатинская область	10	От В. Пилетича
1910	1522	Археологические и этнографические предметы	Сибирь	5	ИРГО
1910	1523	Археологические предметы из раскопок г. Щукина	Минусинский округ	7	ИРГО
1910	1530	Археологические предметы	Ходжент	6	От полковника Фавицкого
1910	1531	Бронзовая секира	Самарская губ.	1	От И. Мартынова
1910	1533	Предметы из курганных раскопок капитана Ушакова	Тверская губ.	190	Из старых коллекций
1910	1534	Нумизматическая коллекция	Из разных мест России	631	ИРГО
1910	1535	Древние предметы	Керчь	66	ИАК
1910	1536	Каменный топор	Олонекская губ.	1	ИРГО
1910	1537	Каменная жертвенная подставка	Самарская губ.	1	От д-ра Укке
1910	1538	Каменная жертвенная подставка	Верховья р. Чарыш	1	ИРГО

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1910	1539	Каменные орудия	Архангельская и Вологодская губ.	8	ИРГО
1910	1540	Каменные орудия	Из разных мест России	85	ИРГО
1910	1541	Каменное долото	Олонецкая губ.	1	ИРГО
1910	1542	Каменный шлифованный клин	Олонецкая губ.	1	ИРГО
1910	1544	Каменное орудие	Южный берег Крыма	1	От А.И. Зрелякова
1910	1545	Каменный пест	Дер. Паргода	1	От Ф.К. Руссова
1910	1546	Монеты	Из развалин др. Ходжента	13	ИРГО
1910	1547	Обломок каменного орудия	Р. Иртыш	1	ИРГО
1910	1548	Лезвие каменного топора	Ростов-на-Дону	1	ИРГО
1910	1549	Каменный топор	о. Сахалин	1	ИРГО
1910	1551	Наконечник стрелы	оз. Сундозеро	1	ИРГО
1910	1553	Кремневый наконечник стрелы	Астраханская губ.	1	ИРГО
1910	1555	Каменное тесло датского типа		1	Из старых коллекций
1910	1561	Старинный русский перстень с печатью		1	ИРГО
1910	1562	Бронзовые кельты	Дания	5	Из старых коллекций
1910	1564	Бронзовый сосуд		1	Из старых коллекций
1910	1565	Мраморное яйцо-пест		1	Из старых коллекций
1910	1566	Бронзовый наконечник стрелы	Сибирь	1	Из старых коллекций
1910	1567	Железный наконечник стрелы	Кавказ	1	Из старых коллекций
1910	1571	Медные и бронзовые орудия	Дания	32	Из старых коллекций
1910	1572	Каменные орудия и глиняные черепки	Пермская губ.	375	ИРГО
1910	1573	Археологические предметы	Полтавская губ.	48	Из старых коллекций
1910	1575	Железные предметы	Из разных мест России	23	Из старых коллекций
1910	1576	Предметы из тунгусских могил		19	ИРГО
1910	1577	Кости мамонта	Вятская губ.	2	От К.В. Щенникова

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1910	1578	Железный ножик	Новгородская губ.	1	ИРГО
1910	1579	Обломок железного ножика	Новгородская губ.	1	ИРГО
1910	1581	Археологические предметы	Острожский у.	26	ИРГО
1910	1583	Горшечные черепки	Франция	3	ИРГО
1910	1585	Археологический предмет	Россия	1	Из старых коллекций
1910	1586	Глиняные горшки	Астраханская губ.	12	Из старых коллекций
1910	1587	Археологические предметы	Сибирь	44	ИРГО
1910	1588	Обломок железной стрелы	Сухуми	1	ИРГО
1910	1590	Каменные и обсидиановые орудия		21	ИРГО
1910	1591	Каменные орудия		19	ИРГО
1910	1592	Археологические древности		5	ИРГО
1910	1593	Каменное орудие		1	Из старых коллекций
1910	1595	Кольчуга и поручи	Кавказ (?)	5	Из старых коллекций
1910	1596	Каменная баба	Алтай	1	Из старых коллекций
1910	1597	Обломки греческой расписной вазы	Ольвия	1	ИАК
1910	1598	Железный ножик	Лужский у.	1	Из раскопок В.И. Каменского
1910	1599	Гипсовые слепки с неолитических черепков	Балахна	90	
1910	1600	Кости животных с неолитической стоянки	Швейцария	10	ИРГО
1910	1601	Каменные орудия		2	ИРГО
1910	1612	Бронза (археология)	Минусинск	1	Из старых коллекций
1910	1613	Каменные орудия и глиняные черепки	Владимирская губ.	9	От А.В. Григорьева
1910	1614	Каменные орудия	Овручский у.	3	ИРГО
1910	1615	Археологические предметы	Иркутская губ.	7	ИРГО

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1910	1623	Бронзовые фибулы готского типа		3	ИРГО
1910	1624	Каменные орудия и окаменелости	Камчатка	7	От А.Ф. Афанасьева
1910	1625	Серебряные предметы из клада	Ярославская губ.	18	Из старых коллекций
1910	1657	Каменные орудия	Крым	16	ИРГО
1910	1663	Археологические предметы	Кубанская обл.	16	ИАК
1910	1664	Археологические предметы	Гродненская губ.	3	ИАК
1910	1665	Археологические предметы из раскопок г. Емельянова	Вятская губ.	554	ИАК
1910	1670	Археологические предметы	Анапа	3	ИАК
1910	1671	Археологические предметы	Кубанская обл.	20	ИАК
1910	1672	Археологические предметы	Таврическая губ.	34	ИАК
1910	1673	Костяные стрелы и гарпун		6	Из старых коллекций
1910	1674	Археологический предмет	Томская губ.	1	От Н.С. Гуляева
1910	1675	Каменные и костяные орудия	Франция и Бельгия	32	От фирмы «Шлейхер и Ко»
1910	1676	Слепки с палеолитических предметов	Франция	33	От фирмы «Шлейхер и Ко»
1910	1677	Бронзовые предметы и слепки	Франция	4	От фирмы «Шлейхер и Ко»
1910	1678	Археологические предметы	Сибирь	5	Из старых коллекций
1910	1685	Черепя	Туруханский край	2	К.М. Рычкова
1910	1696	Каменные орудия и идолы	Судан		От Лейпцигского этнографического музея
1910	1698	Археологические предметы из раскопок	Близ Геленджика	4	ИАК
1910	1705	Археологические предметы	Минусинский у.	472	От В.Я. Толмачева
1910	1726— 1729	Археологические предметы, негативы, рисунки из Зайсанской экспедиции В.И. Каменского	Ср. Азия	В реги- страции	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1910	1630	Археологические предметы	Петербургская губ.	23	От В.И. Каменского
1910	1741	Череп и археологические предметы	Кубанская обл.	27	От А.А. Атаманских
1910	1754	Археологические черепки	Амур	188	Из экспедиции Л.Я. Штернберга
1910	1756	Археологические предметы	Тамбовская и Симбирская губ.	850	ИАК
1910	1758	Археологические предметы из раскопок г. Миллера		45	ИАК
1910	1759	Череп из кургана	Челябинский у.	1	ИАК
1910	1760	Каменные орудия	Америка	67	ИАК
1910	1768	Археологические предметы	Амур	30	Из экспедиции Л.Я. Штернберга
1910	1769	Археологические предметы	Сибирь	24	Из старых коллекций
1910	1777	Археологические черепки	с р. Амгуни	157	Из экспедиции Л.Я. Штернберга
1911	1800	Археологические предметы и 20 черепов	Буэнос-Айрес	187	От Археологического музея Нац. ун-та Буэнос-Айреса
1911	1806	Археологические предметы	Енисейская губ.	6	От студента И. Мокеева
1911	1807	Предметы из раскопок	Лужский у. Петербургской губ.	53	От Леонида Васильева
1911	1809	Древнее медное и железное вооружение	Алтайский округ Енисейской губ.	?	От неизвестного собирателя
1911	1812	Археологические предметы культа, керамика, оружие и предметы быта мексиканцев	Мексика	627	От Е.И. ...ксандера
1911	1817	Головы каменных баб	Г. Зайсан	2	От городского управления г. Зайсана
1911	1818	Древности кухонных куч	о-в Сахалин	113	Из старых собраний И.С. Полякова
1911	1823	Черепки глиняной посуды	окрестности Красноярска	7	От И.П. Толмачева

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1911	1824	Древняя железная кольчуга		1	Из Азиатского музея
1911	1831	Черепа и кости		26	От д-ра К.З. Яцуты
1911	1832	Черепа человеческих плодов		12	От д-ра К.З. Яцуты
1911	1834	Железный ножик неизвестного происхождения		1	Из старых коллекций
1911	1841	Кремневые орудия и черепки		90	От В.И. Камен- ского
1911	1848	Черепа из раскопок	Лужский у. Петербургской губ.	12	От Леонида Васильева
1911	1849	Археологические предметы из раскопок кургана	Петербургская губ.	181	От Леонида Васильева
1911	1865	Глиняные черепки и железный наконечник стрелы		3	От Н.П. Кыча- кова
1911	1866	Человеческие черепы обломки глиняной урны		4	ИАК
1911	1884	Археологические предметы из раскопок Л.Я. Штернберга		4	
1911	1885	Археологические предметы	Китай	27	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии
1911	1886	Археологические предметы		56	Из Геологического музея через И.П. Толмачева
1911	1887	Каменные орудия, наконечники стрел, железные вещицы		34	Из Геологического музея
1911	1888	Археологические предметы	Хотан	3	От Император- ского россий- ского консула в Кашгаре
1911	1894	Каменные орудия и керамика	Новгородская губ.	140	От крестьянина Шумского
1911	1895	Каменный молоток-топор	Виленская губ.	1	От г-на Эйсмонста
1911	1897	Каменные орудия	Новгородская губ.	40	От П.А. Путя- тина

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1911	1903	Терракотовые фигуры, обломки дерев. и метал. изделий	Турфан	353	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии через консула Н.Н. Кроткова
1912	1918	Череп	Тобольская губ	1	ИАК
1912	1929	Поделки из кремня	Новгородская губ.	13	От князя П.А. Путятина
1912	1932	Камень с изображением	Кубанская обл.	1	ИАК
1912	1933	Каменные орудия	Новгородская губ.	4	ИАК
1912	1934	Каменные орудия	Старорусский у. Новгород. губ.	2	ИАК
1912	1935	Каменный топор	Эстляндская губ.	1	ИАК
1912	1938	Археологические предметы	Средняя Азия	280	От Н.Н. Кроткова
1912	1973	Черепки из городищ	Тобольский у.	14	От С.К. Патканова
1912	1981	Каменные орудия	Южная Бразилия	2	От Dr. Antonio Carlos Simoens da Silva
1912	1982	Археологические предметы	Коста-Рика	76	От д-ра Германа Мейера
1912	1988	Череп русских		3	От д-ра К.З. Яцуты
1912	1989	Череп русских	из разных губерний	7	От д-ра К.З. Яцуты
1912	1995	Череп	некрополь Ольвии	1	ИАК
1912	2034	Череп из курганов XII–XIV вв.		11	ИАК
1912	2037	Предметы из раскопок (первобытный железоплавильный завод), собранные Б.Э. Петри	Иркутская губ.	165	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии
1912	2038	Скелет и найденные при нем предметы, собранные Б.Э. Петри	Иркутская губ.	16	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии
1912	2041	Археологические предметы (неолит), собранные Б.Э. Петри	Иркутская губ.	436	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии
1912	2048	Археологические предметы (энеолит)	Англия	18	Приобретены от г. Гаррисона

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1912	2049	Вещи из раскопок	Елизаветпольская губ.	235	ИАК
1913	2065	Ископаемые черепа	Окрестности Елизаветполя	2	ИАК
1913	2066	3 черепа и несколько черепных и др. костей	Из раскопок в Херсонесе	43	От А.Я. Гидалевича
1913	2080	Расколотая кость	Из раскопок в Вологодской губ.	1	ИАК
1913	2086	Бронзовый топор	С. Жошха Лечхумского у. Кутаисской губ.	1	От Г.А. Джалоева
1913	2101	Археологические предметы из раскопок Кандыбы	Тверская губ.	690	
1913	2107	1 человеческий и 2 барсучьих черепа из раскопок курганов	Черкасский и Чигиринский уезды Киевской губ.	3	ИАК
1913	2108	Человеческие черепа из раскопок курганов	Гочевское городище Обоянского у. Курской губ.	12	ИАК
1913	2109	Человеческий череп из Шпицбергенской экспедиции В.А. Русанова на судне «Геркулес»	Шпицберген	1	Из коллекции З.Ф. Сватош
1913	2157	Человеческий череп из раскопок	Керчь	1	ИАК
1913	2203	Железные стрелы	Средняя Азия, хребет Ваннах, Памир	3	От Л.А. Молчанова
1913	2204	Каменные орудия	Енисейская губ., окр. села Дудинского	2	От С.С. Семченкова
1913	2205	Каменный топор из собраний Б.Э. Петри	Иркутская губ.	1	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии
1913	2215	Каменные орудия, осколки и пластинки из раскопок	Волга	418	От И.Т. Савенкова
1913	2218	Каменные орудия, осколки и пластинки из раскопок	Волга	235	От И.Т. Савенкова
1913	2219	Черепки плодов русских		18	От д-ра К.З. Яцуты

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1913	2224	Неолитическая керамика, собранная Б.Э. Петри	Улан-Хада Иркутской губ. Верхоленский у. Ольховское вед.	Не регистрирована	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии
1913	2225	Неолитические кремневые поделки, собранные Б.Э. Петри	Улан-Хада Иркутской губ., Верхоленский у., Ольховское вед.	Не регистрирована	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии
1913	2226	Предметы из раскопок, собранные Б.Э. Петри	Улан-Хада, Иркутской губ., Верхоленский у., Ольховское вед.	Не регистрирована	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии
1913	2231	Археологическая коллекция	Патагония	98	От Антрополог. музея Национального ун-та в Буэнос-Айресе
1914	2257	Образцы керамики и костяные поделки из раскопок	Вятская губ.	90	От д-ра А.П. Безсонова
1914	2259	Неполный скелет плохой сохранности с черепом из экспедиции Б.Э. Петри	Иркутская губ.	1	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии
1914	2260	Археологическая коллекция из экспедиции Б.Э. Петри	Иркутская губ.	7	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии
1914	2264	Изразцы и проч. из раскопок	окр. Самарканда	22	От Б.Ф. Ромберга
1914	2270	Железный топор из раскопок	с. Лукино Тверской губ.	1	От П.В. Хорева
1914	2274	Археологическая коллекция	Петроградская губ.	50	От А.А. Бихнера
1914	2276	Коллекция бронзовых предметов	Кавказ	32	Неизвестного происхождения
1914	2278	Коллекция черепов из раскопок	Петроградская губ.	11	От А.А. Бихнера
1914	2281	Череп из раскопок курганов	Петроградская губ.	3	От кап. Гершельмана
1914	2282	Бурятские черепа, собранные Б.Э. Петри	Иркутская губ.	10	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии
1914	2283	Железные стрелы из раскопок экспедиции Б.Э. Петри	Иркутская губ.	3	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1914	2290	Череп с украшениями	Эстляндская губ.	1	Из старых коллекций
1914	2291	Керамика	Новгородская губ.	45	От неизвестного жертвователя
1914	2303	Черепки русских и инородцев	разные губернии	14	От д-ра Яцуты
1914	2305	Коллекция мексиканских древностей	Мексика	10	Из старых коллекций бывшего Музея древне-классической археологии ИАН
1914	2306	Археологическая коллекция каменных наконечников стрел, ножей и пр.	Мексика	5	Из старых коллекций бывшего Музея древне-классической археологии ИАН
1914	2310	Черепки сосудов	Америка	7	Старая коллекция неизвестного происхождения
1914	2331	Ископаемые черепа и отдельные черепные кости	Крым	66	От А.А. Гидаевича
1914	2374	Предметы из погребения	Баргузинский у. Забайкальской обл.	12	От В.И. Шуштейтанова
1914	2376	Глиняный сосуд из археологических раскопок	Аргентина	1	От о. Изразцова
1914	2377	Черепки	Минусинский и Бийский уезды	4	От Г.И. Кыштымова
1914	2381	Археологическая коллекция	Южный Урал	9	От г. Шишковского
1914	2382	Великорусский медный крест	Южный Урал	1	От г. Шишковского
1914	2385	Неолитический горшок	окр. г. Красноярска	1	Неизвестного происхождения
1914	2386	Кремневое орудие	с. Анаш на р. Енисей	1	Неизвестного происхождения
1914	2387	Каменный молот-кирка	Семипалатинская обл.	1	От В.Н. Самойлова
1914	2389	Керамика	Енисейская губ.	25	От Л.А. Ячевского

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1914	2391	Кость мамонта из командировки Б.Э. Петри	Иркутская губ., Верхолениский у.	1	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии
1914	2392	Бронзовые вещи	Северный Кавказ, Тверская и Пермская губ.	39	От проф. В.Е. Грум-Гржимайло
1914	2394	Предметы из раскопок	окр. Хабаровска	162	От В.К. Арсеньева и гг. Азадовского и Чупряева
1914	2396	Предметы из раскопок	Иркутская губ.	28	От Общества изучения Сибири и улучшения ее быта
1914	2397	Черепя плодов русских	Петроград	4	От д-ра К.З. Яцуты
1914	2400	2 неполных скелета орочен с черепами: мужской и женский	Забайкальский горный округ	2	От В.И. Шустейтанова
1914	2401	Черепя из кургана	оз. Баиновское Минусинского округа	4	От Г.И. Кыштымова
1914	2405	Каменный наконечник копя	Приморская обл.	1	От А.Б. Максимцева
1914	2406	Бронзовые и золотые вещи из раскопок А.В. Адрианова	Семипалатинская обл.	78	От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии
1915	2430	Археологическая коллекция бронзовых и медных кинжалов	Минусинский у. Енисейская губ.	5	От Я.С. Эдельштейна
1915	2434	Древний глиняный сосуд с семитической надписью	Акмолинская обл.	1	От крестьянина Я. Садчикова
1915	2444	Орудия каменного периода и бронзовые предметы из могильника	Тверская губ., окр. г. Ржева	67	От А.М. Введенского
1915	2473	Каменный топорик	Витебская губ.	1	Из старых коллекций
1915	2514	Каменные топорики, долота и бронзовые предметы-украшения из раскопок	Витебская губ.	35	От госпожи Эдельштейн
1915	2517	Орудия каменного века	Тверская губ.	451	От В.М. Лемешевского

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1915	2523	Каменные орудия	Тверская губ.	7	От П.Ф. Симсона
1915	2527	Орудия каменного века и медные предметы	Тверская губ., Зубцовский у.	51	От В.М. Лемешевского
1915	2534	Черепка из раскопок	Крым	3	От А.Я. Гидалевича
1916	2542	Керамика Ср. Азии и Персии	Бухара	101	От В.А. Иванова
1916	2570	Череп и неполный скелет племени ботокудов	Бразилия	20	От Г.Г. Манизера
1916	2574	Древности из буддийских пещер из экспедиции С.Ф. Ольденбурга	Чиктым в Китайском Туркестане		От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии
1916	2575	Древности из буддийских пещер из экспедиции С.Ф. Ольденбурга	Турфан в Китайском Туркестане		От Русского комитета для изучения Ср. и Вост. Азии
1916	2588	Черепка из курганов XI—XII вв.	Курская губ.	2	ИАК
1916	2589	Предметы неолитической и металлической культур	долина р. Оки близ Рязани	40	От К.И. Мейера
1916	2596	Предметы из археологических раскопок	окр. Иркутска	86	От Б.Э. Петри
1916	2602	Черепка из раскопок	Новгородская губ.	4	ИАК
1916	2603	Коллекция черепков из раскопок Борисовского могильника	близ Геленджика	5	ИАК
1916	2604	Черепка и кости скелетов	Пос. Ахматский Саратовской губ.	3	ИАК
1916	2608	Черепки посуды, найденные на развалинах старого Мерва	Анау, близ Асхабада	130	От В.Н. Андрусова
1916	2610	Кремневые наконечники стрел и осколки	Закаспийская обл.	29	От В.Н. Андрусова
1916	2612	Предметы неолитической культуры из раскопок	левый берег Ангары у Иркутска	25	От Б.Э. Петри

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1916	2613	Предметы неолитической и металлической эпох из раскопок стоянки Кузьмиха	близ Иркутска	103	От Б.Э. Петри
1916	2614	Каменные орудия неолитического периода	ст. Разлив Приморской ж.д. Петроградская губ.	30	От А.П. Шта- кельберга
1916	2615	Орудия каменного века	Дубенский у. Волынской губ.	5	От Г.Г. Мани- зера
1916	2616	Каменные орудия и осколки	Ржевский у. Тверской губ.	12	От Ржевского археологиче- ского кружка
1916	2617	Коллекция неолитических предметов, костяных, глиняных и кремневых	4–5 вер. от г. Каргополя Олонецкой губ.	34	
1916	2618	Каменные боласы	Аргентина	2	От Ю.И. Коз- ловского
1916	2619	Неолитические орудия и осколки	Закаспийская обл.	16	От В.Н. Андрусова
1916	2620	Керамика трипольской культуры	Галиция		От П.В. Сюзева
1917	2622	Предметы железной эпохи из пещер на горе Танхын	Иркутская губ.	228	От Б.Э. Петри
1917	2623	Предметы железной эпохи из окрестностей улусов Шохтой, Тахарек и др.	Иркутская губ.	277	От Б.Э. Петри
1917	2624	Предметы неолитической эпохи	оз. Байкал	236	От Б.Э. Петри
1917	2625	Керамика из раскопок на кладбище неизвестного народа	Иркутская губ.	4	От Б.Э. Петри
1917	2626	Череп со сложной нижней челюстью из раскопок кургана № 27 (черкесский курган XIV в.). Из раскопок Н.И. Веселовского	Кубанская обл., близ станицы Ханской	1	ИАК
1917	2627	Часть черепа из могильника VI–VIII вв.	Пермская губ., Осинский у.	1	ИАК
1917	2628	Керамика и каменные предметы	Амур, Инокентьевская станция	21	От А.Н. Криш- тофовича

Год	№	Название	Местность	Кол-во	От кого
1917	2629	Керамика	Симбирск	7	От Г.Е. Рогозина
1917	2631	Керамика	Бессарабия	1345	От П.В. Сюзева
1917	2644	Череп и неполный костяк из кургана Гумыш-Тепе, в 35 вер. от Мерва	Закаспийская обл.	2	От Д. Букинича
1917	2648	Каменные, бронзовые и костяные предметы	Амур, берег против с. Пояркова	3	От С.М. Широкогорова
1917	2651	Каменное орудие и железная стрела	Якутская обл.	2	От С.П. Белова через С.М. Широкогорова
1917	2663	Череп с несколькими костями (из кургана)	окр. станции Новороссийск	9	ИАК
1917	2664	Медные украшения	окр. Хабаровска	101	ИАК